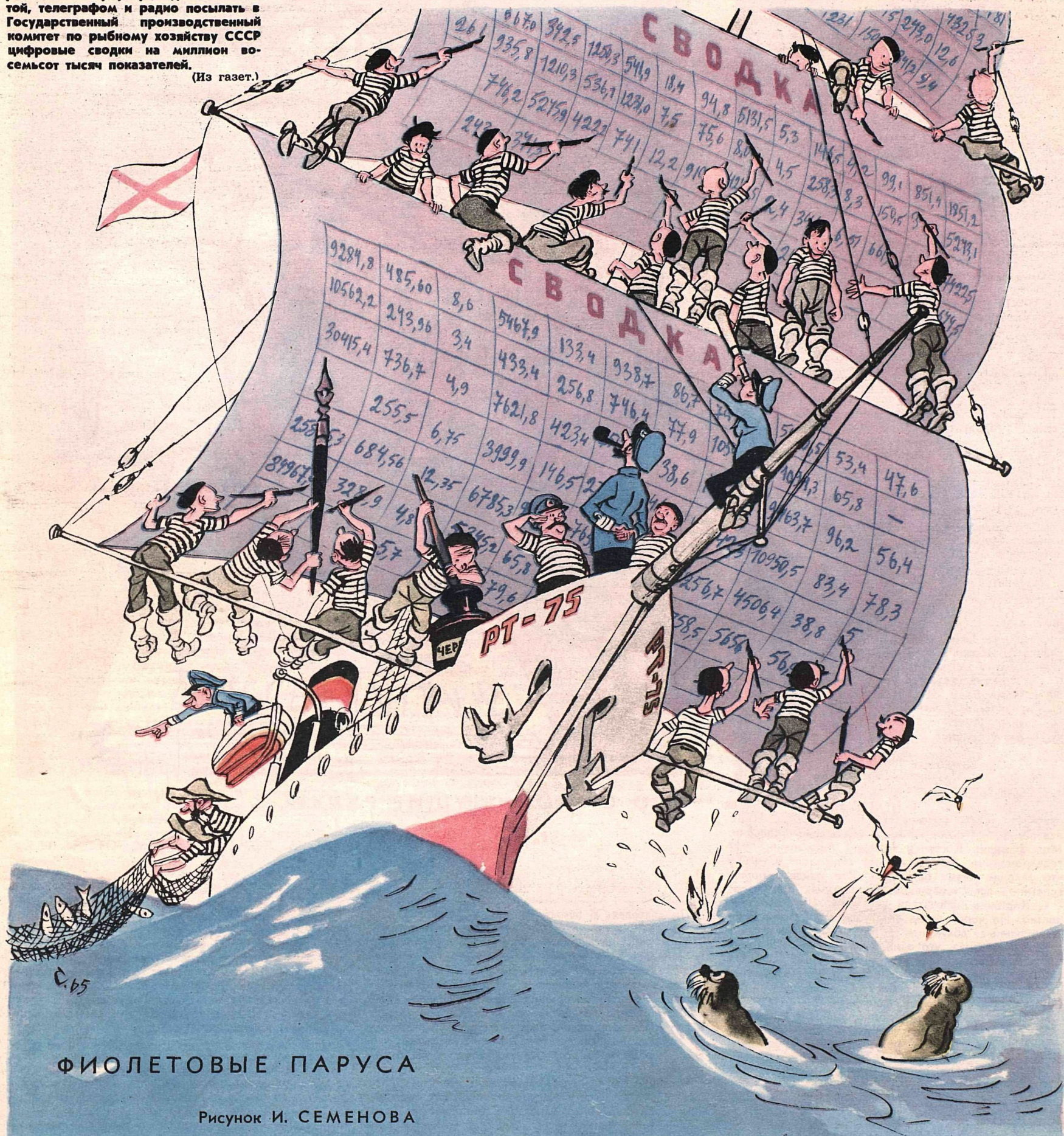

Подсчитано: каждый год капитаны рыболовных траулеров должны почтой, телеграфом и радио посылать в Государственный производственный комитет по рыбному хозяйству СССР цифровые сводки на миллион восемьсот тысяч показателей.

(Из газет.)

ФИОЛЕТОВЫЕ ПАРУСА

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 19 (1777) • ГОД ИЗДАНИЯ 44-й • 10 ИЮЛЯ 1965

«Малыш» попадает в историю...

В лесу под селом Ивановка, Изюмского района, пионеры случайно наткнулись на боевое знамя 96-го саперного батальона, закопанное в годы войны. Там же была найдена полуистлевшая красноармейская книжка. Установили фамилию владельца. Разыскали его. «Книжка моя, но кто закопал знамя, не знаю», — сказал он.

Удалось узнать, кто сражался и героически погиб под Ивановкой. Статьи об этом напечатали «Ленінська зміна» и другие газеты.

Через некоторое время недалеко от того места, где обнаружили знамя, тракторист пахал поле. К нему подошел худощавый мужчина и протянул запечатанную стеклянную колбу.

— Нашел в борозде! Может, что интересное... Возьми, а я очень тороплюсь.

Тракторист вскрыл колбу. Среди пожелтевших документов была хорошо сохранившаяся фотография мальчонки лет четырнадцати-пятнадцати с надписью: «На память старшему политруку отдельного саперного гвардейского батальона 14 гвардейской стрелковой дивизии от воспитанника Костенко Аркадия Аврамовича. В часы боевых действий оставляю вам свою память. Если погибну, сообщите родным. 26 мая 1942 года. Уважающий вас «Малыш» — Костенко».

В колбе оказались еще два документа: боевое донесение политрука Г. Ральченко с перечислением воинов, павших смертью храбрых (и среди них «воспитанник Аркадий Костенко»), а также свидетельство об окончании Костенко четырехлетней школы.

Документы передали в музей. «А не живы ли Ральченко и Костенко?» — подумали местные журналисты. Выяснилось, что политрук Г. Ральченко погиб смертью героя. Но — вот радость! — Костенко жив. Учится во втором Харьковском медицинском училище. Поехали к нему.

— Ваша фотография?

— Да, и свидетельство мое! — обрадовался Костенко. — Знамя 96-го саперного батальона закопал я. Рядом там и пистолет мой. Давайте поищем...

Поехали. И тут произошло еще одно радостное чудо: после сравнительно недолгих поисков под одним из дубов было найдено боевое оружие.

В магазине пистолета сохранилась подпорченная водой бумага: «Кто найдет это оружие, пусть обратит внимание! 27 мая начался бой. Немцы несколько раз шли в атаку, но отступили. Затем фашисты пустили в ход, что у них было, и взяли верх. Наши все погибли. Я был воспитанником в этом батальоне. Моя фамилия Костенко Аркадий Аврамович, 1927 года рождения. Закапываю этот «Парабел» и только что закопал знамя батальона. Кто найдет, прошу вспомнить всех товарищей. Воспитанник Костенко».

О Костенко напечатали в газетах. Это было радостно. Но червь точил его душу: ему нужны были официальные документы с подписями и печатями.

Костенко узнал, что один из участников боев живет в Краснограде, — и устремился к нему. Показал газетные вырезки. Человек написал подтверждение, что Костенко — участник боев. С этой бумагой он отправился к военному Краснограда П. Тараканову.

— Прошу заверить, — скромно попросил Костенко. П. Тараканов прочел. Поздравил. Подписал. Поставил печать. Правда, подумал: а почему, собственно, он должен заверять? Есть нотариальные конторы, советские органы. Это их обязанность — заверять документы. Но потом военком подумал, что это уже... на грани бюрократизма.

Так Костенко без волокиты получил первый официальный документ. В это время судьба свела нашего героя с Валею Бражниченко из города Лебедин, Сумской области. Валя рассказала, что в годы войны ее мать Анастасия Ефимовна прятала на чердаке мальчишку, а потом отвела его к партизанам.

Радостный, Костенко поехал в Лебедин. Нашел Бражниченко.

— Как же мне вас отблагодарить! — взволнованно говорил Костенко. — Крышу перекроем... Двери, окна — заново. Крыльцо сделаем...

— Вы из горисполкома? — обрадовалась старушка.

— Что вы, что вы, дорогая Анастасия Ефимовна! — запротестовал гость. — Неужели не узнали? А я так сразу...

Он бросился к ней и обнял. Рассказал, как прятался на ее чердаке.

— А дом отремонтируем! — заверил он. — Только напишите заявление.

ЕГО САМОПИШУЩИЕ РУЧКИ

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Продиктовал. В бумаге Анастасия Ефимовна подтверждала, что именно Аркадия Костенко она прятала у себя на чердаке. С этим документом они отправились к секретарю Лебединского горисполкома Т. Твертневой. Та прочитала и на радостях сейчас же поставила подпись, а рядышком — печать. Правда, в голову ей пришла такая мысль: ведь уткнулось с той поры двадцать лет. Как Костенко узнал, что старая женщина еще жива? И вообще откуда он попал в Лебедин?.. Но потом она подумала, что такие мысли вроде бы соприкасаются с бюрократизмом...

Костенко без проволочек получил второй официальный документ. Окрыленный, побывав он в ЦК комсомола Украины. Заручился документами, что ему поручается изучать историю партизанского движения в Лебединском районе. Для этой же цели командировку ему выдала «Ленінська зміна».

С официальными полномочиями он прибыл в Лебедин. Пришел к председателю Лебединского горсовета тов. В. Устенко и к председателю Лебединского райисполкома тов. Н. Ковтуненко:

— Скоро к вам приедет иностранная делегация. Для встреч с бывшими партизанами. Я должен все подготовить.

Далее Костенко попросил выстроить арку, отремонтировать дом Бражниченко, привести в порядок дороги и выделить ему, Костенко, какую-нибудь машину для объезда бывших партизан. Все это показалось чуть-чуть подозрительным (особенно арка), но руководители подумали, что такие крамольные мысли находятся где-то на самой грани канцелярщины и формализма. И, за неимением лишних «Волг»,

выделили герою машину «Скорой помощи», заодно привели в порядок дом Бражниченко.

А делегация, увы, не приехала. Костенко пояснил, что «компетентные органы» отложили...

...Сам же Костенко выехал в Киев. Здесь уже было готово представление к присвоению ему звания Героя Советского Союза. Этот документ скрепил подписью и печатью военком Октябрьского района Киева подполковник Новинский. Правда, тов. Новинский подумал было... Но Костенко собрал чуть не сотню документов, подтверждающих его героизм! И тов. Новинский подписал.

А потом документы попали к людям, которые стали все-таки «на грань бюрократизма, казенщины и волокиты». Короче говоря, решили наконец проверить документы и ознакомиться с бумагами, которые были найдены под селом Ивановка.

Работник ленинградского военно-исторического музея генерал-лейтенант А. Смирнов-Несвицкий сказал:

— Документы сомнительные!

Отдали их на экспертизу. И оказалось: ловко подделанная «липа». Автор — Костенко. На пистолете, который «пролежал в земле свыше двадцати лет», была смазка наших дней. На старой фотографии мальчика Костенко сделана надпись рукой взрослого Костенко. Так шаг за шагом было установлено, что Костенко-«герой» просто-напросто Костенко-подлец. Уголовник...

Мы не призываем поголовно всех к бюрократизму. Но трезво рассудить иногда просто необходимо.

М. БУРЕНКОВ

г. Харьков.

ЧЕМОДАННАЯ САГА

В жизни всегда есть место везению. Можно счастливо жениться. Можно выиграть по лотерее белого медведя из зеленой пластмассы. Можно избежать семейных ссор.

Но всякое везение имеет свои пределы. Так, никого не минует жребий быть пассажиром.

Все как будто хорошо. Растут ваши дети. Вы оптимист. И вдруг вам надо ехать. И вы идете доставать билет.

Не покупать, как пытаются представить дело некоторые легкомысленные люди, а именно доставать.

В том агентстве, куда вы обратились, продают билеты исключительно на восток. А вам необходим юг. Отчаяние охватывает человека. Кто продает билеты на южное направление, где? Человек стоит на тротуаре. Он растерян и смат. Он вспоминает все, что знает о транспорте. Сначала припоминаются стихи:

Удобства, скорость и комфорт
Вам обеспечит Аэрофлот!

Потом прорезается в памяти слух, что где-то продают какие-то особые билеты и будто по этим билетам можно пользоваться разными видами транспорта — на суше, на море и в воздухе. После долгих блужданий, расспросов и недоумений пассажир попадает на улицу Кирова, 11. Здесь он встает в очередь и со страхом прислушивается к досужим разговорам. Очередь едва ползет. Наконец подобострастный и робкий пассажир стоит у окошечка.

— Мне бы такой билет, — одними губами просит он, — от Москвы до Одессы поездом, а дальше до Ялты пароходом. На семнадцатое.

А на семнадцатое ничего нет. Оказывается, комплексные билеты будут продавать только с двадцать пятого, да и то в ограниченном количестве. А сейчас поезжайте в Одессу и берите шифкарту на пароход обычным порядком. Счастливого пути! Бон вуаяж, милый!

И не ведает пассажир, что касса не виновата. А виноваты три министерства: Путей сообщения, Морского флота, Гражданской авиации. Три их пассажирских главка до сих пор не могут договориться о единых комплексных билетах.

И бредет человек на вокзал с обычным билетом в кулаке. Поезд уносит его в ночь. Впереди двадцать часов пути, обеды в вагоне-ресторане, котлеты на тарелках, помеченных дивным словом «Укркурупр», и бдения у окна.

Вскоре уже маячит Одесса. В этот славный момент приходит проводник и сгоняет пассажира с места. Проводник спешит перетряхнуть и учесть постели. Обильно летит пыль. Но пассажир не жалуется. Он понимает: разве можно не учитывать постели, если сорок лет назад, в тяжелом для России году, кто-то украл из вагона полотенце вафельное! Вдруг да опять найдется такой варнак...

Так обстоят дела. И это с комплексным билетом. А с простым порою тоже не проще.

В пассажирском главке есть люди, специальность которых — все учитывать. Учтено, что летом пассажир стремится к морю, рвется в дебри лесов, лезет к белоснежным пикам гор. Поэтому летом для благ пассажира вводится больше поездов, чем в иные сезоны. Правда, они вводятся «до особого распоряжения». И лишь когда вокзальные очереди начинают мешать движению на улицах, начальник вокзала звонит начальнику пассажирского отдела: так и так, пора бы подать дополнительный состав. После чего начальник пассажирского отдела звонит начальнику службы и повторяет: так и так, пора бы... Начальник службы звонит начальнику главка. Происходит тот же разговор.

А дни идут. Тем временем пассажир становится совсем нервным от ожидания и тоже начинает повторять с вариациями: так и так и растак, неужели трудно подать лишний состав?

Пока наконец через три дня искомый состав не подадут.

ДЕНЬ ОБМАНУТЫХ НАДЕЖД

В Одессе пассажир увидел море. Море смеялось. В нем, как в капле воды, отражалась очередь за билетами на теплоход «Украина».

Очереди нужны. Очереди воспитывают уважение к транспорту. Здесь можно даже услышать историю о профессоре Штафинском из Ленингра-

да, которому обеспечили билет по телеграфной заявке.

— А мы-то! — стонет очередь. — Дикари! И нам бы по телеграфу. Милое дело!

— Неизвестно, оказались бы вы в числе двухсот или нет.

— Каких двухсот?

— Больше двухсот заявок за лето не берут. Телеграф не успевает. А перевезти надо два миллиона граждан.

— Скажите, что я за вами. Пойду сбегаю в театр...

Очередь на жаре млеет. Возникают споры. Порядковые номера, обозначенные химическим карандашом на ладонях страдальцев, текут и расплываются. Кто-то скандалит и хочет выдать свой номер 768 за 163. Его разоблачают...

Ночью, когда звезды раскачивались в небе, мы уплывали. По маршруту Одесса — Ялта с заходом в Севастополь. Но на другой день Севастополя нас лишили: «Украина» не зашла туда, как обещал билет...

Все было обманом! Экскурсий на берег не случилось. За кормой в надежде на низкую культуру пассажиров летали чайки. Но никто ничего не выбрасывал.

МАМАША, ДАЙТЕ ВЕНИК!

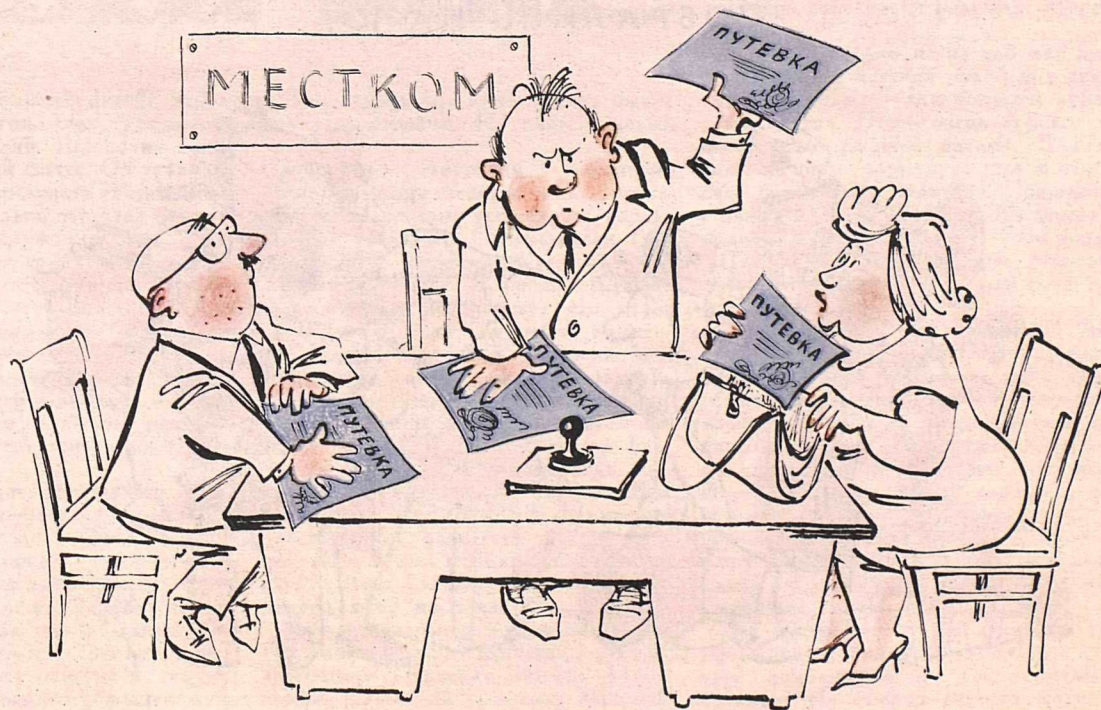
На сегодня мы имеем две изнурительные транспортные болезни. Одна из них «морская», другая — «летная».

Внесем ясность. Пассажиры, будьте бдительны! Есть третья болезнь. Ею страдают на всех видах транспорта. Это скука. Она подразделяется на: 1) зеленую, 2) смертную и 3) собачью.

Виды за окном, за иллюминатором — единственное спасение для пассажира. Это он понимает не сразу. Сначала пассажир изучает рамочки, развешенные в проходах. И невыразимо грустнеет. В рамочках выставлены правила. Написано, что воспрещается и какой грозит штраф. Сообщаются инвентарная опись имущества и правила пользования титаном.

Это первый удар... Вы скажете — радио? Так позвольте поделиться секретом: общими усилиями пассажиров поездное радио сломано так, что теперь его не починит никто. Ибо поездное радио — это жестоко. Каждые пять часов оно гвоздит людей одной и той же программой времен давно минувших.

[См. стр. 4.]

— Надо срочно решить, кому дадим четвертую путевку!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Знаете ли вы:

...КУДА СБЕЖАЛ ПАПА?

...В ЧЕМ КРАСОТА
ДЕВУШКИ —
В БРОВЯХ ИЛИ
В ТРУДОДНЯХ?

...КАК ЗВУЧАТ
НЕБЕСНЫЕ СТИХИ?

...почему
невоеннообязанная
Марья принимала
присягу?

...ГДЕ НАХОДИТСЯ ЗАМОК
С ПРИВИДИЕНИЯМИ?

...у кого горит
синяк под глазом?

ЕСЛИ НЕ ЗНАЕТЕ, ОБРАТИТЕСЬ
К СТРАНИЦАМ
5, 6, 7, 10, 11, 14.

Поэтому на шестой день пути с тяжелым нервным расстройством от скуки пассажир вламывается в купе проводника и кричит плачущим басом:

— Мамаша, дайте веник! Дайте, я хоть вагон подмету, что ли. Не то свихнусь...

В поездах и на кораблях надо обязательно держать резервные веники. На «Украине» нам их очень не доставало.

ТЕРЯЯ ГРАММЫ...

Подавленные скоростью лайнеров Аэрофлота, вместимостью морских гигантов и роскошью фирменных поездов, существуют на земле автобусы. Один раз в полчаса автобус мелькает среди подсобных строений минводского аэропорта. Он долго прячется в потайном закоулке, потом мчит, бибикая, мимо толпы. Пассажиры, спотыкаясь, бегут за ним. Холодный ветер дует с гор...

На кавказских и крымских автомагистралях по-прежнему слышен зычный кондукторский крик: — Граждане, останьтесь, граждане! Машина у вас резиновая!

Она действительно не резиновая. В Ялте, когда на дворе июль, пассажир никогда не поладит в автобус. Переполненная машина, будоража окрестность сиреной, уползает в Симферополь, а брошенный пассажир садится под куст. И долго еще сидит под кустом, тупо глядя на прищипленную к зелени табличку:

Роза сирийская.

Родина — Китай, Индия.

Это проделки Симферополя. За Ялту в ответе он. Черствая душа — управляющий областным автотрестом Матвеев уже отторг у Ялты семнадцать автобусов, приговорил к отчуждению шесть других. И пассажир мыкается, теряя такие важные граммы своего курортного привеса. Ему благо хотя бы то, что тепло. А каково пассажиру в Якутске?

ПИРОЖКИ НИ С ЧЕМ

Из научно-популярных брошюр можно почерпнуть важную информацию. Например, о том, что человек может прожить без пищи 59 дней. При этом воду пить обязательно. И — великое благо! — вода есть везде. А с пищей хуже, гораздо хуже.

Беда еще в том, что от скуки пассажир все время хочет есть. Бодрым скоком он выпрыгивает на станциях из вагона в надежде купить натуральный продукт у крестьян. Действительно, вдалеке за забором стоит пугливая бабушка. Она торгует пучком редиса. А из поселка вкусно веет пышками на меду и другой жареной снедью.

— Где же все это? — кричит пассажир.

«Это» находится там, в двадцати минутах ходьбы от станции. Бабушки-умелицы боятся носить провизию на перрон. Они помнят о тех временах, когда их гоняли с перрона. Теперь времена другие. Вышло решение: позволить торговлю возле стоящих поездов. Но бабушки о нам не знают...

Колеса снова стучат, и пассажир начинает тихо, а потом громко икать от голода. Он пытается утешить его по старому способу заблудившихся ханты-мансийских охотников — глотая слюну. И терпит провал. Есть хочется.

На следующей станции пассажир снова извергается на перрон. Конечно, старушек за забором нет. Пускай! Сейчас он купит прорву снеди в станционной палатке!

Что касается палатки, то она приветствует пассажира пирожками с чем-то тяжелым. Такими пирожками хорошо пускать поезда под откос.

И снова гудят колеса, мелькают станции... В питательном деле царит постоянный разброд. Одни пищеблоки принадлежат трестам дорресторанов, другие — потребкооперации. Дорресторан — это еще не очень страшно. А в витринах потребкооперации подтекающими пластинами лежит сало. Есть говяжьи туши и свиная головизна. Хорошо отстать от поезда, купить кусок и испечь жаркое в куче паровозного шлака. Плохо только, что дела зовут ехать дальше.

В вагоне-ресторане же (если только он есть) еду приносят через тридцать — сорок километров. Там есть меню, оно предлагает требовать украинские, литовские и другие национальные блюда. Однако известно, что на транспорте требовать ничего нельзя. Это плохо кончается. Пассажир просит. И ему несут солянку железнодорожную, шницель рубленый путевский и в графинчике — мутный яблочный сидр.

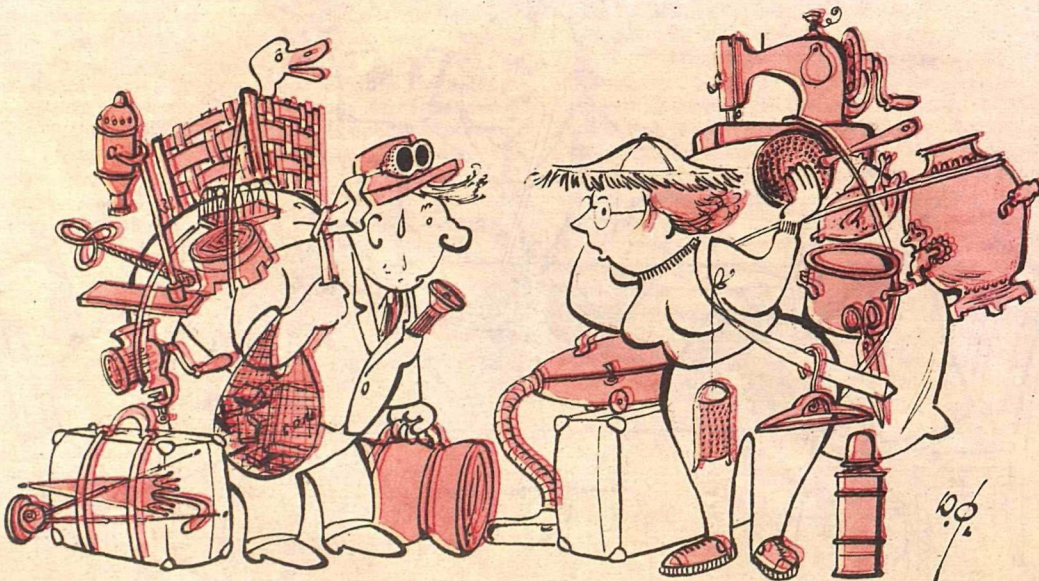
* * *

Так или иначе, на транспорте водятся прорухи и недочеты. Самый лучший народный умелец не смог бы уписать их на рисовом зерне: потребовался бы арбуз...

У нас плохи контакты между железнодорожниками и авиаторами. Существуют неразрешимые конфликты между автобусниками и моряками. Всем обидно переходить на единую форму билетов. Ну как, скажем, железнодорожникам отказаться от родимого зеленого билета, равнобедренного штампа треугольником и перейти на синий аэрофлотский билет с круглой печатью? Ах, как много проблем душит транспортников, как много не могут они сделать для блага пассажиров!

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент
Крокодила

СОБРАЛИСЬ НА ЮГ

— Хорошо, хоть море с собой брать не нужно...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ДОСРОЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Стройтрест (какой, не помним точно)
Многоэтажный строил дом.
Плакат «Сдадим объект досрочно!»
Был водружен на доме том.
Нам по душе пришелся очень
Оптимистический призыв,
И мы создать решили ОЧЕРК
Про этот дружный коллектив.
Еще мы думали о теме,
Еще точили карандаш,
А коллектив за это время
Уже воздвиг шестой этаж.
Нас эти темпы восхитили,
Энтузиазм такой потряс.
Писать об этом коллективе
Не очерк нужно, а РАССКАЗ.
Мы над рассказом просидели
Недели две, а может, три.
За это время дом отделан
Снаружи был и изнутри.
В рассказе мыслям стало тесно,
У нас другой родился план:
О славных тружениках треста
Создать, как минимум, РОМАН.
Пока мы думали о том, как
Своих героев назовем,
Нас пригласили на приемку:
Уже досрочно сдали дом.
И вот когда мы поглядели
На стены вздутые и щели,
На покосившийся фронтон,
То мы к роману охладели
И сочинили в понедельник
Вот этот самый ФЕЛЬЕТОН.
Пусть в нем не все удачны строчки,
Пусть рифмы малость не того,
Зато мы все-таки досрочно
В журнал успели сдать его!

Александр СОБОЛЕВ

КТО ГОВОРИТ?

Давным-давно толкует свет:
«Сильнее кошки зверя нет».
Но, откровенно говоря,
сильнее нет...

секретаря.

В приемной за столом сидит
(не то надут, не то сердит),
к начальству преграждая путь,—
попробуйте перешагнуть!
А если телефон звонит,
тотчас вопрос:

— Кто говорит!

— Петров.

— Откуда, из горкома!

— Не тот.

— Ах, знаю! Из райкома.

— Опять не тот.

— Из главка!

— Нет!

— Петров... Петров... Госкомитет!

— Я просто гражданин Петров.

— Ах, так!! Зав занят!..

Будь здоров!

Так кто ж сильней секретаря!
Муштрует шеф его
не зря!

Н. СТАНИЛОВСКИЙ

СЛУЧАЙ НА ЯРМАРКЕ

Приехали на ярмарку
Сотни три участников,
А скупали яблоки
Участники у частных.

СЕЗОННОЕ БЕДСТВИЕ

Рисунок Ю. УЗБАКОВА

Вот какая есть интересная легенда... Один отец-молодец, пытаясь уклониться от алиментов, петлял по всей нашей необъятной стране. Но исполнительный лист неуклонно настигал его и на Обской Губе, и в песках Средней Азии, и в районе Сухумского обезьяньего питомника. А ему было ужасно жалко отдавать четверть заработка на ребенка. То есть до того жалко, что он вскоре бросил свою высокооплачиваемую работу. И вообще всякую работу. А когда он угасал от истощения физических и аморальных сил, к нему явился судебный исполнитель, чтобы описать имущество, давно уже пропитое до последнего кодаченого стула. «Накося, выкуси!» — сказал представителю закона умирающий. И на том испустил свой черный дух.

Вся эта история была бы вполне правдоподобной, если б не одна сомнительная деталь: где это видано, чтобы исполнительный лист с такой высокой мобильностью преследовал повсюду беглого алиментщика?

Очень хотелось бы посмотреть на такой расторопный лист. А заодно познакомиться с идеальными должностными лицами, которые столь оперативно наводят его на цель и придают ему скорость почтового голубя. Но — увы! — суровая действительность преподносит нам совсем иные сюрпризы...

День, когда пишутся эти строки, по воле случая совпал с знаменательной

СБЕЖКАМ ПАПА...

и довольно противной датой: исполнился ровно год, как гражданин Смирнов Анатолий Тихонович выкинул неожиданный фокус. Он уволился из Электрохимкомбината в городе Чирчике. И моментально перестал платить алименты на содержание сына.

Далее следуют странные и трудно объяснимые явления. Из чирчикского городского суда исполнительный лист почему-то переправляют в Ташкент, в нарсуд Ленинского района. О том отписывают в Кострому, бывшей жене малопочтенного Анатолия Тихоновича. И при сем любезно рекомендуют: обращайтесь теперь не к нам, а к ним.

И она начинает обращаться. Она продолжает обращаться. Она наконец устает обращаться. Тогда — через полгода! — из Ташкента приходит уже нежданная благая весть: Анатолий-то Тихонович никуда из Чирчика не выезжал. На старом месте живет. Так что заблудившийся исполнительный лист заворачивают обратно в Чирчик.

С чем и поздравляет бывшую супругу Анатолия Тихоновича нарсуд Ленинского района города Ташкента. И при сем благожелательно напутствует: обращайтесь теперь не к нам, а к ним.

Так сказка про алиментного бычка началась сызнова. И тянется целый год.

Впрочем, Анатолий Тихонович Смирнов — еще недоросль по сравнению с 34-летним уроженцем города Львова Николаем Степановичем Гавришем. Тот уже шесть лет благополучно находится в бегах. Бывшая жена тщетно разыскивает его через милицию. А пока она вместо алиментов получает время от времени разные официальные бумажки, дающие очень мало оснований для оптимизма.

Отыскался только один, притом довольно несвежий след Николая Гавриша: в 1963 году сей субъект жил на станции Иссык в Казахстане. Жил да сплыл. Куда сплыл? В Ленинский район города Алма-Аты. Но от установления этого исторического факта юному Лене Гавришу и его одинокой матери пока ни тепло, ни холодно.

Кочуют по городам и весям злостные алиментщики. Пребывают в нетях гражданин Тишкевич Михаил Николаевич, 25-летний уроженец Минской области. Скрылся в неизвестном направлении папаша одесской школьницы Тани Моговой. «Я очень вас прошу, помогите мне найти моего папу, — пишет Таня. — Папа меня бросил,

когда я была совсем-совсем маленькой».

Теперь она совсем большая: второклассница.

Нет, это письмо не из тех, что пишутся подчас детской рукой под диктовку взрослых — для большей «трогательности». Это — очень горькое и бестолковое ребячье письмо. В нем даже не было упомянуто имя и отчество сбежавшего родителя. Пришлось уточнять. Могов Георгий Дмитриевич родился в Одессе 10 июня 1931 года.

Так ловчат отцы-беглецы. Что их заботит? Испытывают ли они хотя бы угрызения совести?

Бросьте, какие там угрызения! Со всем даже наоборот. Они склонны уподобить свое невинное дитя разбойнику с большой дороги, который наводит на него, на папашу, огромный пистолет: «Кошелек или жизнь!» Это его единственное «отцовское чувство». И он, прохвост, зубами держится за кошелек. «Накося!» — говорит он и показывает нахальный жирный кукиш. Кому показывает? А всем подряд. Своей брошенной семье. Милиции. Судебным органам.

Вот мы и думаем: не обидно ли представителям закона глядеть на такую комбинацию из трех грязных пальцев? Не стыдно ли, что подчас рядом с нами живут неопознанные подлецы, которым мы подаем руку, как порядочным людям?

М. ЛЬВОВ

Дорогой Павел Федорович!
Пишет Вам человек, глубоко Вас понимающий и глубоко Вами восхищенный. Недавно я приобрел небольшую, изящно изданную в Белгороде книжку. Называется она «Честный труд — колхозное богатство. Сельскохозяйственные пословицы и поговорки». На обороте титульного листа скромно значится: «Составитель П. Лебедев». С этой минуты я обрел верного союзника и старшего друга.

Я тоже интересуюсь и пословицами и поговорками, но таких удивительных примеров игры ума мне нигде еще встречать не доводилось. Хочется цитировать страницами, целыми разделами:

Без кормов не вырастишь коров.
Клади картошку в окрошку, а любовь — в дело.

Теперь установки новые: на греху и бобовые.

Чем больше в колхозе свиней, тем колхоз сильнее.

Ремонтируй в срок свой тракторок.

Молочное хозяйство — богатство.

Хочешь есть молоко и консервы — утепляй колхозные фермы.

Зерном и водичей снабжай птицу.

Чтобы фермы давали и масло и мясо, удвой и утрой кормовые запасы.

Где хорошие пары — там и дары...

Настоящее пиршество! Как жаль, что эти перлы были до сего времени скрыты от благодарного читателя!

В аннотации к книжке сказано: «Значительная часть пословиц и поговорок собрана в Белгородской области и публикуется впервые». Понимаю, как много кропотливого, поистине вдохновенного труда нужно было приложить, чтобы отыскать такие великолепные миниатюры:

Кто знанием овладевает, того и земля наделяет.

Без хороших звеньевых нет и показателей трудовых.

Удобрения минеральные готовь заранее.

С кукурузой дружбу води — будут богатые трудовни.

Плохой коваль — плохой инвентарь.

Надои повышаются не речью громкой, а сочной подкормкой...

Ваш строгий, целенаправленный труд не чужд, однако, и лирики. Вот предельный образец:

Красота девушки не столько в бровях, сколько в трудовнях.

Истинно так! Я сам лично знал несколько безбровых жен, с кото-

рыми мужья были по-настоящему счастливы. И только теперь благодаря Вам я понял, почему это так!

Полезность проделанного Вами труда неизмерима. Впрочем, в той же аннотации без ложной скромности написано: «Сборник может быть широко использован в своей повседневной работе сельскими лекторами, агитаторами, пропагандистами, учителями». Верно! Возьмем хотя бы поговорку:

Наградили Феклу за свеклу.

Вдумчивый учитель может построить на этой мастерской сентенции целый урок, прививая ученикам вкус, чувство родного языка и умение самостоятельно мыслить. Какие неожиданные продолжения могут последовать!

Наградили Вику за вику...

Наградили Дуню за дыню...

Наградили Власа за просо...

А как будет вознагражден учитель, когда услышит такую, например, тонкую аллитерацию:

Наградили Ксенофонта за суперфосфат...

А найденный Вами шедевр «Без птиц нет и яиц!» Так и просится развитие этой нужной мысли:

Без быков нет рогов...

Без свиный нет ветчины...

Без петуха нет пуха...

И, может, еще древние воины, тоже доки по части фольклора, отправляясь в далекий поход, доверительно сообщали друг другу:

Без коня нет меня!

Но довольно восхищения. У меня есть к Вам, Павел Федорович, и претензии. Почему Ваше творчество, Ваш энтузиазм вдохновенного искателя ограничены только сельским хозяйством? Несправедливо это! Я давно прислушиваюсь к богатым рифмам, к незаурядным мыслям, то и дело вспыхивающим вокруг нас в повседневной жизни, в той или иной отрасли человеческого деятельности. И хочу Вас просить: помогите мне. Ваш опыт по части птиц, без которых нет яиц, очень нужен мне в моей исследо-

вательской работе. В свою очередь, и я могу Вам многое подсказать.

На самом деле, какие перлы рассыпаны вокруг! Я, например, часто восхищаюсь тем гармоничным четырехстопным хореем, который уверенно звучит в известном изречении: «Уважайте труд уборщиц, соблюдайте чистоту». А какая мысль! Действительно, если ты хоть немного уважаешь труд уборщиц, — ты, конечно же, будешь соблюдать чистоту всюду и везде. Поистине, и слова не убавишь, не прибавишь! Здесь, правда, нет рифмы, но невелика беда. Ведь и в собранных Вами жемчужинах это ненужное украшательство зачастую отсутствует. К примеру:

Радуюсь передовикам, будь доволен отстающими.

К тому же стоит нам с Вами приложить руку, так сказать, огранить самородок — и он засверкает новыми красками:

Здесь за вами нянек нет, — уходя, гасите свет...

Заходя в кабину ту, соблюдайте чистоту...

Крылатые слова так и носятся вокруг нас:

Не висите на подножке, поднимайтесь в вагон!

У павильона молока торговля с рук запрещена...

В очках — а не видишь...

Вы правы, когда пишете, что «пословицы, изречения и поговорки рождаются ежедневно». Не далее как вчера моя соседка в сердцах воскликнула:

Вот дура — не те туфли обула!

Неужели эти блестящие «мудрости и художественного таланта» (я повторяю Ваши слова) исчезнут бесследно? Неужели нет бережных, надежных рук, чтобы все это собрать и издать в назидание потомкам?

Есть, конечно, отдельные нетипичные пижоны, которые готовы смеяться над подобным устным творчеством, над великолепными его образцами, представленными Вами:

Распахивай залежь — не проиграешь.

Есть правило у наших людей: беречь лошадей.

Мы успеваем и на пашне и на строительстве силосной башни...

Но мы с Вами не будем обращать внимания на утробное хихиканье скептиков. Мы смело пойдем вперед, собирая, подбирая, записывая и — подчеркиваю — издавая! Неплохая работенка, а? Только уж давайте поставим дело широко, солидно. От сельского хозяйства кинемся в строительство:

Ты мне не тычь битый кирпич!

Потом — в астрономию:

В ком энтузиазм горит, тот найдет метеорит!

И, наконец, в филателию:

За хорошую марку отдам сестру Тамарку!

Белгородское издательство поддерживает нас в этом начинании. Небольшие, изящно изданные книжки будут встречать читателя призывными кличками:

Раз — два — три — четыре — пять,

Будем химию внедрять!

Геотектоника — не скука, Геотектоника — наука!

Искореним неведение По части шекспироведения!

Разве не манящая перспектива? Как говорится, наши цели ясны! За работу, Павел Федорович! Жду от Вас конкретных предложений!

Припомним народную мудрость: ни пуха, ни пера, сорок сороков, двадцать пять окороков!

Уважающий Вас

Виктор ОРЛОВ

Р. С. Отдельные злые языки говорили мне, что мудрых речений типа «без птиц нет и яиц» в колхозах слыхом не слыхали, и уж явно не колхозники сочинили кое-какие новомодные поэмы, вроде:

На калиновские рубежи равнение держи.

Или:

От Памира до Камчатки растут кукурузные початки.

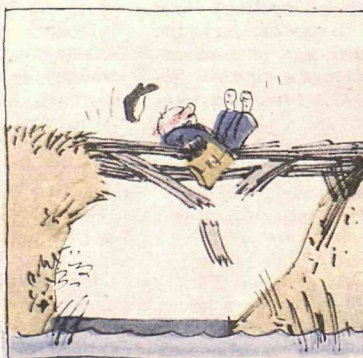
Но чего не сделаешь ради идеи! Сознаюсь, и я про Тамарку сам выдумал. Я думаю, этот факт не омрачит нашего будущего плодотворного сотрудничества.

ПОКА ГРОМ НЕ ГРЯНЕТ...

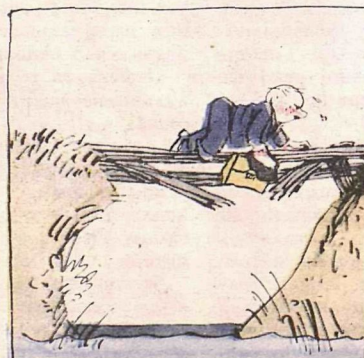
Рисунок А. ЦВЕТКОВА

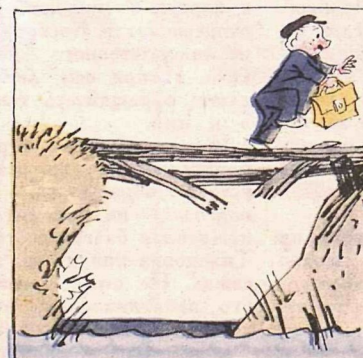
— Ну и мост! Надо срочно ремонтировать!

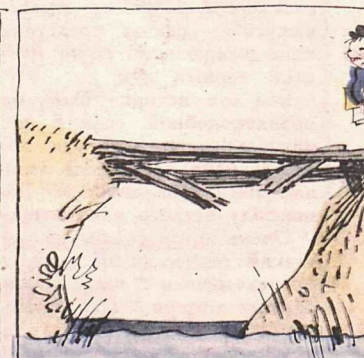
— Поставлю вопрос на бюро.

— Немедленно!

— А впрочем, куда спешить?

— В свое время займемся и ремонтом...

«ПОД ГОМОН ГНЕЗДЯЩИХСЯ ПТАХ»

Над поселком Эсе-Хайя Якутской АССР показался неизвестный самолет. Сделав несколько кругов, он опустился совсем низко, и тогда из кабины высунулся летчик.

Сквозь очки он приветливо посмотрел на дома и людей. И метнул на землю толстую пачку листовок.

Удивленные жители читали:

*Весна страны на полный ход,
На полный оборот
У самых северных широт.
Везде светла, напряжена,
Упорна и дружна
И глубина и вышина—
Советская весна.*

Пожимая плечами, все шли дальше по своим делам. А самолет вошел в пике и, поравнявшись с крышами, выкинул другую пачку листовок. И все снова читали:

*Весна это праздник юных,
Под гомон гнездящихся птах.
Грянут домбдовые струны
И пляски начнутся в степях.*

Тщетно народ выжидал, что «грянут домбдовые струны» и «начнутся пляски». Вместо этого из самолета выпала третья пачка. Подняли жители листовки третий раз, надеясь найти что-нибудь новенькое. И нашли:

*Весна идет. И где-то близко-близко
Ее шаги отчетливо слышны.
Теперь по совместительству
радиотна
Становится диспетчером весны.*

Кое-кто подумал: может быть, весна снова решила посетить Якутию, иначе зачем все это? Но даже если бы это было и так, ее шагов никто бы не услышал из-за гула вконец распоясавшегося самолета.

Тем временем пилот метнул на землю четвертую пачку:

*Весна! Весна! Из края в край
Песнь прозвенела вновь.
Привет тебе веселый май!
Привет тебе любовь!*

Засим, пошлав прощальный воздушный поцелуй, летчик нажал на все педаль и исчез вместе с самолетом.

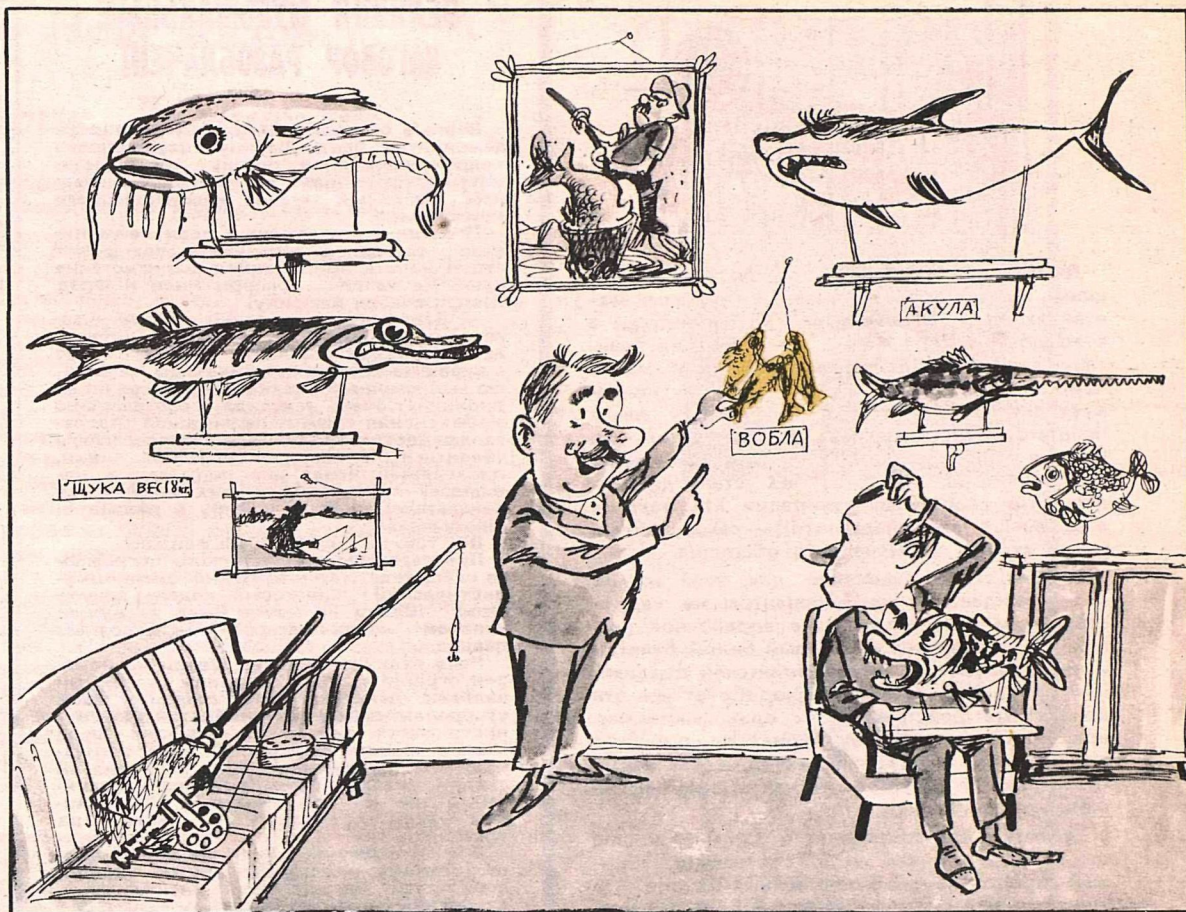
Один старик обрадовался и стал вертеть из листовок «козьи ножки». Однако другие старики курили папиросы, и листовки в ход не пошли. Зато было бы неплохо, если бы в ход пошли другие бумаги.

Бухгалтерские. В которых было бы подсчитано, нуда летал самолет и сколько он израсходовал бензина.

Кто на нем летал и сколько потратил на это служебного времени.

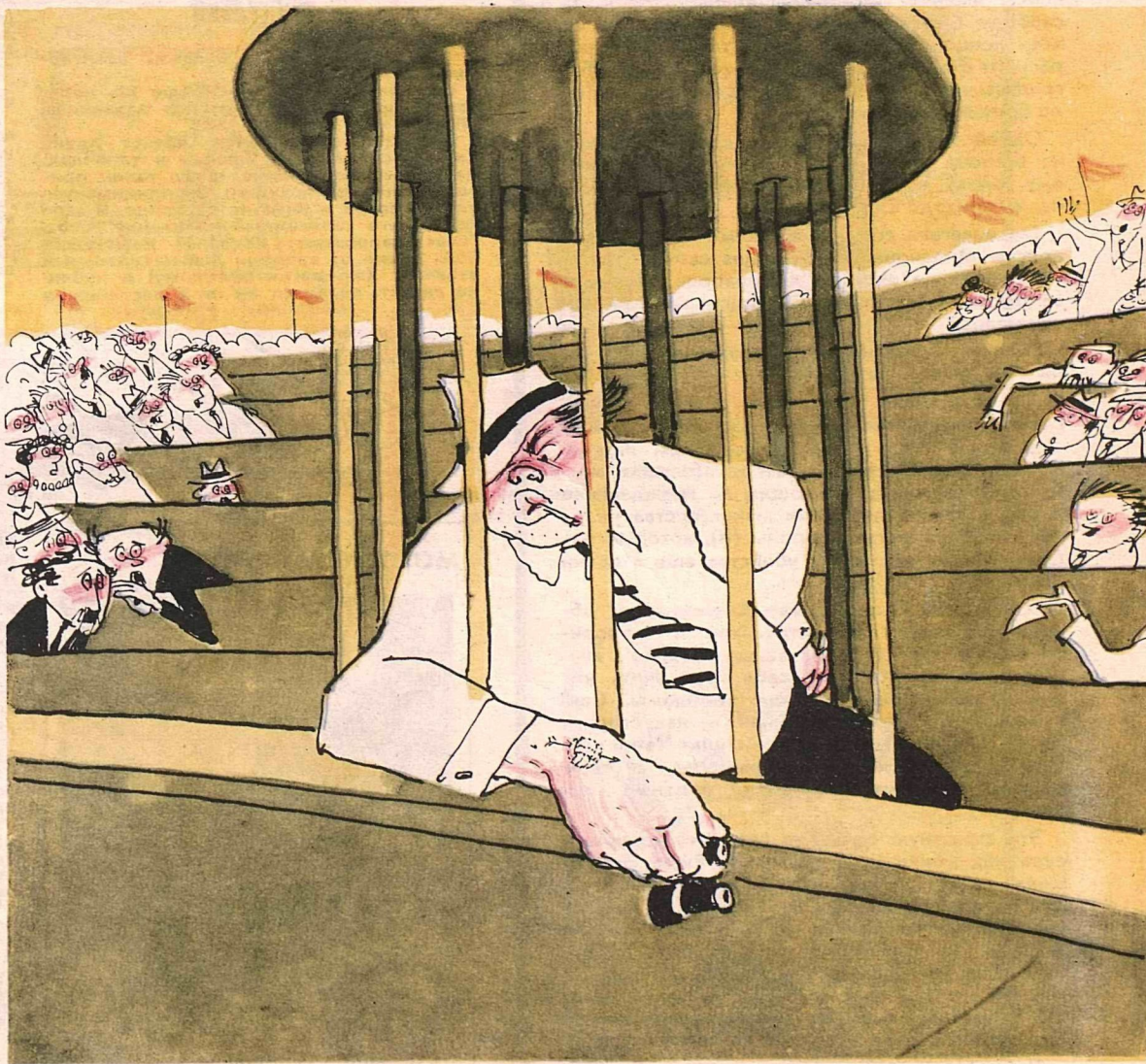
И, наконец, сколько отпечатано в типографии листовок и кому уплачено за эти чудо-стихи.

А. ХОДАНОВ

— А за этой я охотился около года!

Рисунок Б. САВКОВА

— Вряд ли это поможет, если его команда проиграет!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Планта́тор Популяриза́тор

Джеймсу Хэа уже 58 лет. Он весь в прошлом, в сладких воспоминаниях и розовых мечтаниях. Еще был Хэа вырос не где-нибудь, а в гордом штате Алабама. Он вырос на плантации, где был один белый хозяин и много черных рабов. И до сих пор ничто так не радует слух Джеймса Хэа, как посылит плети плантатора. Никто не разубедит его в том, что белому человеку просто по штату положено угнетать негра. Хэа готов без устали доказывать, что алабамская плантация XIX века (а еще лучше восемнадцатого!) — самая образцовая ячейка человеческого общества.

В этой столь очевидной для него истине Хэа убеждает своих оппонентов не скорострельным пистолетом и не веревочной петлей. Он не рядится в нелепый белый балахон и не поджигает по ночам гигантский деревянный крест. Хэа, разумеется, одобряет все эти конкретные действия своих единомышленников, но считает, что их бурная практическая деятельность без теории мертва. И Хэа старается подвести под столь активную практику не менее активную теорию.

Теоретик Хэа проживает в Селме. Внешне это поселение ничем не примечательно. Обычный городок на юге Соединенных Штатов. Административный центр графства Даллас в штате Алабама. И тем не менее Селма давно и прочно вошла в историю как один из главных опорных пунктов американских расистов. Еще со времен гражданской войны в Америке.

Вот почему борцы за гражданские права широко развернули в 1965 году свою кампанию именно там. Мужественные борцы за свободу, белые и негры, прибыли в Селму со всех концов Соединенных Штатов. Местные расисты ответили террором. Улицы Селмы обгадились кровью. Несколько тысяч человек было брошено за решетку.

Одной из жертв расистов стал священник из Бостона Джеймс Риб. Расисты проломали ему голову, и он на следующий день скончался, не приходя в сознание.

Так излагала события в Селме вся мировая пресса. Миллионы американцев своими глазами видели на экранах телевизоров бесчинства расистов и стойкость борцов за гражданские права.

Бедные журналисты и телезрители! Видели — и ничего не поняли.

А вот Джеймс Хэа сумел уловить тайный смысл всего происходящего. Сумел уловить — и раскрыл глаза менее догадливым людям. Кровавые события в Селме он объяснил «интригами групп, выступающих за гражданские права, а также интригами министерства юстиции и министерства обороны (!!), которые избрали Селму как сцену убийства еще с осени 1963 года».

«С тех пор, — продолжал Хэа, — на нас обрушилось нечто фантастическое и террористическое. Многие самозванные святые явились к нам и взяли на себя труд учить нас жить и решать за нас наши проблемы. Священникам, которые прибыли в наш город, было бы лучше составить к стенке свои плакаты и убраться отсюда, вернувшись в свои церкви... Все негры — подонки, водяные крысы».

Эту страстную речь Хэа произнес во время суда над убийцами священника Риб. Но это была не оправдательная речь обвиняемого. Хэа не привлекался по этому делу ни как соучастник убийц, ни как их подстрекатель. Он выступал на процессе и не в качестве свидетеля. Тем не менее восемнадцать присяжных, все как на подбор белые леди и джентльмены, внимательно слушали речь мистера Хэа. И недаром! Ведь он выступал по долгу службы.

Мы совсем забыли сказать, что Джеймс Хэа — окружной алабамский судья...

В. НИКОЛАЕВ

ВЕЛИКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЗАГОВОР РАЗОБЛАЧЕН!

Верные сторожевые псы американской демократии бдят! Зыркнут влево-вправо недреманным оком, поведут чутким мохнатым ухом — и тут же раскроют очередной коварный заговор международного коммунизма.

Последний хитроумный план коммунистов состоял в том, чтобы под рокот струн напеть американцам марксистские идеи. Не вышло... Джерри Рили и Фред Шварц спасли Америку.

— Берегитесь народных песен! — заголосил Джерри Рили со страниц журнала «Америкэн опинион». «Одновременно с игрой на гитаре, с брэнчанием на банджо и ритмичными звуками, — пишет он, — проникает очень искусная и чрезвычайно эффективная коммунистическая пропаганда. Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться в твердой советской линии, проходящей через все популярные народные песни, ибо в них содержатся вокальные призывы к миру и равноправию негров».

Вот так, ни больше и ни меньше! Председатель американского погромного общества «Христианский антикоммунистический крестовый поход» доктор Фред Шварц не менее Рила возмущен успехом «фолк-сингеров» — народных певцов.

Но в отличие от Рила Шварц не намерен ограничиваться писанием статей. Он человек действия. «Мы создадим свой стопроцентноамериканский антикоммунистический фольклор», — заявил Фред Шварц. Наняв по сходной цене эстрадную певичку Джэннет Грин, он купил ей гитару, снабдил балладами под названием «Берегись коммунистов», «Коммунисты — агенты сатаны» и послал на гастроли.

Пока что Джэннет Грин успеха не имеет. Поговаривают, что доктор Шварц собирается организовать антикоммунистический стриптиз...

Авангардистские танцульки

Нью-Йорк — суший кладезь авангардистских новинок.

Театральная группа «Стэйдж 73» порадовала зрителей балетом под названием «Прерии».

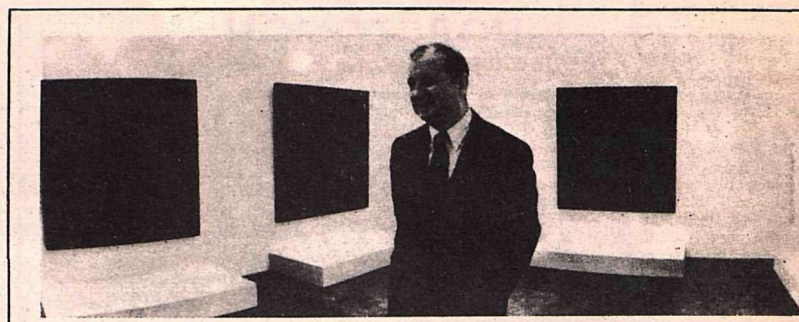
На сцене появляется артист Алекс Хэй в спортивных брюках и тапочках. На удивление публике, к его талии привязаны четыре подушки. Он принимается лазить вверх и вниз по лестнице. В зале звучит его записанный на пленку голос. Голос вопрошает: «Удобно? Вам удобно?» Время от времени Хэй натуральный отвечает Хэю магнитофонному. А публика гадает, свалится ли он с лестницы и

МОТОСКУЛЬПТУРА

Очевидно, мотоциклисты чем-то здорово насолости французскому скульптору Иккью. Но он им славно отомстил, не правда ли?

САМАЯ ДОРОГАЯ ЧЕРНОТА

Американский художник Эд Рейнхардт утверждает, что его «бесформенно, безразмерно, бесцветно, вне времени и пространства» на его полотнах, покрытые черной краской, нельзя с ним не согласиться. Однако гонорары он получает вполне определенных размеров — полтора миллиона долларов за каждый черный холст.

МУЗЫ В МАРАЗМИ

спасут ли его в этом случае привязанные подушки...

Так продолжается в течение шести минут. Магнитофон все медленнее приговаривает: «Удобно? Удобно? Удобно ли?» — и замолкает, после чего мистер Хэй спускается с лестницы, сворачивается клубком на полу и засыпает.

Другая новинка балетного сезона называется «Дервиш».

Соллист Фред Хэрно появляется в бурке из черного медвежьего меха, наигрывая на флейте. Побродив немного среди зрителей, он ложится на спину. И лежит, пока не вступает оркестр. А точнее сказать, свисающий с потолка остов пляжного зонтика, к которому прицеплены металлические побрякушки. «Дирижер» Джо Джонсон включает электрический вентилятор, отчего мелкий металлолом раскачивается и брэнчит.

Не повезло

Губернатор североамериканского штата Небраска Фрэнк Моррисон — автор авангардистского искусства. По установленным в штате законам, ежегодно устраиваемой художественной выставке, должна быть представлена картина, получившая премию губернатором и украшающая его резиденцию. А в этом году премию получила кучка мусора из двух продранных наизусть спецовки, обрывки мужской рубашки и пряжки от брюк. Все эти предметы наклеены на выставленную как произведение под горделивым названием «1964».

Восторг бедняги губернатора дается описанию.

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ

Под эти звуки мистер Хэрно раздевается до пояса и начинает крутиться, громко объясняя, что создает новую форму искусства — разговорный танец.

Вам не надоело? Тогда приглашаем вас в нью-йоркский «Экспрессионистский театр двух искусств». Исполнитель крутится, вертится, наклоняется и одновременно наносит кистью на холст беспорядочные мазки. При этом он приговаривает что-то нечленораздельное... Описанное комплексное действо называется «Каллиграфия 4».

Вы считаете, что это бред? А вот теоретик авангардистских танцев Джеймс Уэринг думает иначе. «Танец — это любое бессмысленное движение, любое движение, лишённое всякого смысла, — говорит Уэринг. — Искусство? Укажите пальцем на любой предмет или событие и скажите: «Это — искусство». И оно немедленно станет искусством. Вот и все». Еще есть вопросы к мистру Уэрингу?

Последнее достижение суперсовременной Терпсихоры — «антитанец». Лучшая исполнительница антитанца — некая Ивонн Рэнне. Ее номер таков: сидя за кулисами, она терпеливо ждет, когда же наконец окончится музыка танца. Затем Ивонн появляется перед публикой и замирает в полной неподвижности.

И стоит как проклятая.

Или как статуя, если вам больше нравится такое сравнение.

И все!

Это и есть антитанец. Так же, впрочем, как «Прерии», «Дервиш» и «Каллиграфия 4».

Первое исполнение нововыдуманного американского композитора Кейджа всегда заставляет зрителей концертов держаться настороже, откуда грозит опасность. Оркестранты будут бросать маринированные грибы, то ли зал обрушится потоки воды. Кейдж не разочаровал любителей авантюры. «Фестивале искусства сегодня» в Буффало. Поначалу сам «Концерт для рояля с оркестром» предвещало особую бурю, но первых тактов все стало на свои места. Соллист не сидел за роялем, а встал по сцене, время от времени из кармана молоток и молоток по клавиатуре. Затем на сцену вышли и принялись палить из ружья и пистолетов. Дамы в ужасе, наиболее из публики залезали по колено в апофеозе с потолка спустивший желтый зонтик!

Как часто бывает в мистификации, пошел дальше своего ученика и последователь. Шведский пианист Карл Эриксон и последователь его учения в Стокгольме во время исполнения в Стокгольме последней симфонии проделали пилю отверстие в пианино, откуда небольшой заряд взрывчатого вещества бросился в зал, подожг бикфордов шнур, получилось эффектным, а был отправлен в больницу ранеными.

Искусство требует жертв...

Крови, маэстро, крови!

Художественная жизнь Нью-Йорка обогатилась еще одной выставкой. Произнесено новое слово в искусстве: «мит-шоу» — «мясное зрелище».

Вот как описывает нью-йоркскую выставку корреспондент гамбургской газеты «Ди вельт»:

«В огромном рыночном помещении художник Роберт Делфорд Браун развесил туши свиней, быков, телячьи головы, легкие, языки, селезенки, окровавленные кишки. На серебряных крюках висят почерневшие куски мяса. С окровавленных туш, размещенных на фоне белоснежных нейлоновых тканей, сочится кровь. Кровь капает на толстый слой опилок и создает на полу абстрактные узоры. Рефлекторы с серебряными шариками вертятся под низким натянутым нейлоном потолка. И по этой ярмарке крови, заставляющей вспомнить о человеческих жертвоприношениях, расхаживают в белых пальто мясники: ведь здесь стоит нулевая температура».

Газеты сообщают также об открывшейся в одном из наиболее фешенебельных районов Нью-Йорка, в помещении Стейбл-галереи, выставке молодого художника Пауля Тека. Он специализируется на изготовлении из воска «мясных скульптур». Скульптуры Тека создают иллюзию сплетения вен и жировых сгустков. Они находятся в ящиках из плексигласа и вызывают у зрителей натуральную тошноту.

Теперь, когда читатель уже знаком с «мясными зрелищами» и «мясными скульптурами», нам осталось познакомиться с «мясным балетом».

Хореографическое действо под названием «мит-джойс» («мясные радости») было показано американской танцовщицей Кероли Шнимен в «американском культурном центре» в Париже. Крутясь и подпрыгивая в бешеном ритме под завывающую магнитофонную музыку, Кероли и ее партнеры рвали на части сырую рыбу, кур, сосиски. Парижане, не дождавшись конца «мит-джойса», бежали к выходу, брезгливо сбрасывая с подиума цыплячьи кишки.

У себя на родине Кероли Шнимен показала тот же балет в нью-йоркской церкви Джамсон. Хоровод окровавленных танцоров под гигантским золотым крестом выглядел весьма эффектно...

ГВОЗДЬ СЕЗОНА

Дюссельдорфский художник Гюнтер Укер принадлежит к авангардистской группе «зеронистов». Члены этой группы вдохновляются нулем («зеро»). Нуль лежит в основе их творческих исканий и представляет, как утверждают многие, конечный результат их творчества.

Для выражения своих эмоций художник Укер пользуется только гвоздями. Чтобы добиться результата, равного нулю, этот человек вколачивает до сорока центнеров гвоздей в год.

Комментарии художника

Члены окружного управления округа Унна (ФРГ), осматривая приобретенную за 50 тысяч марок коллекцию современного абстрактного и сюрреалистического искусства, неожиданно обнаружили на картинах довольно ловко замаскированные надписи вроде «Вы — навоз». И кое-что похлестче...

Оказалось, что надписи сделал сам автор.

Почтенные члены управления были крайне шокированы, но после обсуждения вопроса признали за художником право на свободное творчество...

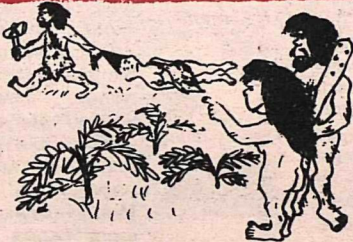
Наш гость

Эрик Липинский

В Советском Союзе гостит главный художник польского сатирического журнала «Шпильки» Эрик Липинский.

Выпускник Варшавской академии изящных искусств, Липинский рисует не только хорошо, но и много. И, естественно, устает. Когда он устает от карикатур, он отодвигает маленькие листочки бумаги, придвигает большие и начинает рисовать плакаты. Он рисует плакаты, пока не устанет. Однажды, когда работа над плакатами его очень утомила, он отправился в путешествие. (Путешествие — лучшая форма отдыха, как учит нас реклама.) Он отправился в Австрию и получил на международной выставке плаката в Вене 7 (семь) премий. Желая как следует отдохнуть после вояжа в Вену, Эрик пододвинул маленькие листочки бумаги и снова занялся карикатурой. Он так увлекся, что от этого занятия его удалось оторвать только приглашением зайти на Выставку польской карикатуры и получить там присужденную ему первую премию.

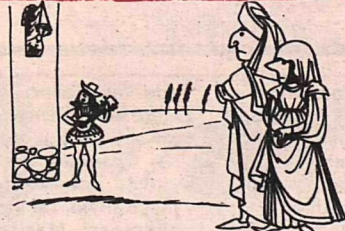
И так всю жизнь. Плодотворная деятельность Эрика Липинского как карикатуриста, плакатииста, театрального художника и книжного иллюстратора была отмечена Государственной премией и «Золотым крестом за заслуги».

— Ох, уж эта нынешняя молодежь!

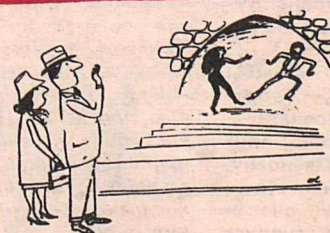
— Ох, уж эта нынешняя молодежь!

— Ох, уж эта нынешняя молодежь!

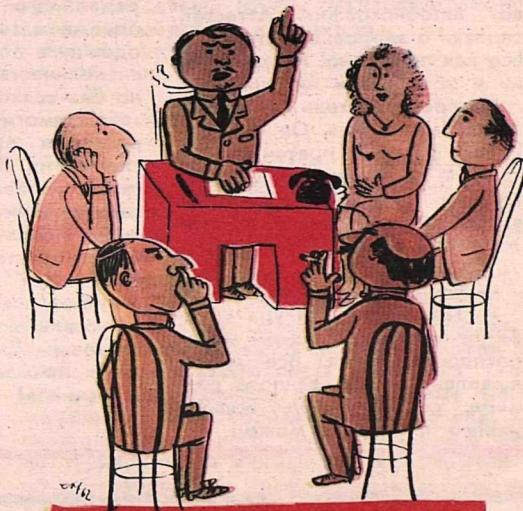
— Ох, уж эта нынешняя молодежь!

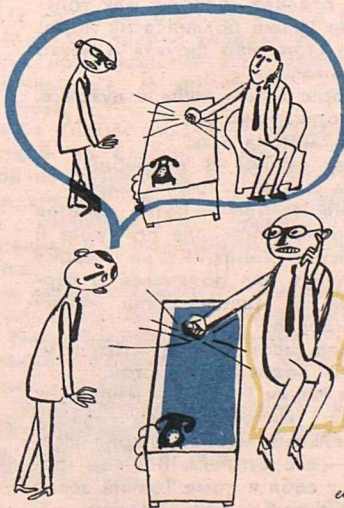
— Ох, уж эта нынешняя молодежь!

— Зося! Тебя к телефону!

— Если уж кого сокращать, то Ковальского: он человек непьющий, за него никто не заступится...

— Опять мне приходится делать вам выговор! И о чем только вы думаете?

НЕСТАНДАРТНЫЕ МАЛЬЧИКИ

— А ну, поворотись-ка, сынку. Экой ты смешной! — Преподаватель профессионально-технического училища с грустью посмотрел на абитуриента. — И что на тебе за странные штаны?..

Поступающий, долговязый, худощавый парень, недоуменно оглядел себя:

— Обыкновенные брюки. Полушерстяные, с лавсаном.

— Я и сам вижу, что с лавсаном. А ты скажи лучше, какого они размера?

— Сорок восьмой размер, четвертый рост.

— Не пройдет, — вполголоса, как бы про себя, отметил преподаватель.

— Кто не пройдет? — испуганно поинтересовался абитуриент.

— Ты не пройдешь. Не зачислим тебя, вот и все! У нас только два места для четвертого роста отведены, и оба уже заняты. Опоздал ты малость...

Парень недоумевающе хлопал ресницами.

— Как же так? — забормотал он. — Ведь о брюках в объявлении про прием ничего не сказано. Про две фотокарточки написано — так вот они, фотокарточки. Автобиография — вот автобиография. Аттестат, справки о здоровье, метрика — все как положено. А про брюки в объявлении ничего...

Но преподаватель не слышит этого бормотания. Он уже беседует с другим претендентом.

— Не пройдешь! — уверенно говорит он, окинув быстрым взглядом пиджак юноши. — Одежда у тебя, выдать, сорок второго размера?..

— Сорок четвертого.

— Тем более. Фигура у тебя, понимаешь, слишком малораспространенная. Все места, выделенные для данного размера, уже заполнены. Больше никого принять не можем.

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ!

Вот как должен был проходить прием учащихся в Микунском профессионально-техническом училище Коми АССР. К сожалению, на самом деле дирекция училища продолжает действовать по старинке, зачисляя мальчиков без учета их габаритов. А в результате получается сплошная ерунда.

Долговязых парней одевают в явно лилипутские одеяния, так что ноги оголены почти до колен — на тропический манер. А ученики с дефицитными маленькими фигурами вынуждены облачаться в просторные, как сутана, пиджаки.

Вины микунских педагогов в этом нет. Сейчас в системе профессионально-технического обучения заведен такой порядок: училищу задолго до приема засылают форменную одежду в полном соответствии с количеством поступающих, но без всякого учета их роста.

— Помогите! — зывают педагоги к работникам отдела снабжения Коми республиканского управления профессионально-технического образования. — Пришлите одежду с некоторым запасом, чтобы можно было всех нормально одеть.

— Бог поможет! — равнодушно откликаются вышестоящие завхозы. — Кто же виноват, что вы принимаете нестандартных мальчиков?

Н. ВОЛОДИН

ОПЕРАЦИЯ «ГАРДЕРОБ»

Редакция «Крокодила» получила письмо из Полтавы. Автор пишет, что во время межвузовского семинара гардеробщикам было строго-настрого приказано на улицу никого не выпускать и пальто не выдавать, даже когда началась художественная часть. Напрасно солидные профессора и доценты со слезами на глазах умоляли отпустить их на занятия вечерних факультетов, где их тщательно ждали слушатели. Гардеробщики под мудрым руководством лица, ответственного за проведение семинара, проявили изумительную твердость духа.

Поступки позволяют с большей или меньшей точностью определить облик человека. Мы уверены, что поступок нашего героя из Полтавы, лично руководившего гардеробной акцией, вполне позволяет нам заочно сделать ряд выводов о его характере.

Характер у нашего героя, безусловно, решительный. Он склонен к решениям быстрым и безапелляционным, которые принимать ему тем более легко, что советуется он, видимо, лишь сам с собой.

Поскольку операция «Гардероб» была проведена в то время, когда профессора и до-

центы ходили в пальто, летом полтавский воспитатель должен, безусловно, изыскать другие способы приковать участников очередного семинара к креслам.

Наиболее эффективным методом было бы, разумеется, оборудование кресел в зале авиационными привязными ремнями, снабженными небольшими, но надежными замками. Перед началом семинара можно было бы лично обойти партер, запирая на ключ каждую присутствующую единицу.

Однако в наш век экономии переоборудование нескольких сотен кресел в театре имени Гоголя — вещь малореальная. Поэтому вполне возможно предположить, что наш герой изберет другой, несравненно более дешевый, но не менее эффективный метод. Каждый профессор и доцент, придя на очередное мероприятие, обязан снять ботинки, вручить их гардеробщикам и проследовать в зал в носках. Едва ли какой-нибудь особенно злостный преподаватель, стремящийся к своим студентам, простештует по улицам Полтавы в носках.

Вполне можно представить себе, как наш герой организовал бы, например, сбор металлолома школьниками. Он почти наверняка использовал бы опыт альпинистов, предложив школьникам связаться веревками в пятерки. Дай ему волю, экскурсию в местный краеведческий музей он построил бы в колонну, а дабы пресечь попытки к бегству, приставил бы к ней служебных собак...

Итак, мы попробовали на основании одного характерного поступка создать портрет человека и предугадать его возможную деятельность. Насколько нам это удалось, судить тем товарищам из Полтавы, которые лично знакомы с этим деятелем на ниве воспитания.

З. ЮРЬЕВ

РЯДОВАЯ МАРЬЯ ПРИНИМАЕТ ПРИСЯГУ

Закончив хлопоты по хозяйству, Мария Ивановна повязала косынку, поправила фартук и приготовилась отдавать рапорт. Как только Иван Ильич появился на пороге, она стала «во фрунт» и четко отработала:

— Борщ готов, каша в духовке, мясо поджарено!

— А сметана есть?

— Так точно! В погребе!

— За сметаной шагом марш!

Мария Ивановна, четко печата шаг, промаршировала по кухне и скрылась в сенях. Когда через пять минут она появилась с горшочком в руках, Иван Ильич скомандовал:

— Два шага вперед! Кру-гом! Можете подавать на стол.

Иван Ильич Топчий — начальник караула Никопольского завода строительных машин. Мария Ивановна — его супруга. Военный порядок у себя в доме Топчий завел не с бухты-барахты. Прожив со своей половиной двадцать восемь лет, он стал замечать, что в по-

следнее время она относится к своим обязанностям с прохладцей. То борщ недостаточно разогрет, то сметана кислая...

С подобной недисциплинированностью Иван Ильич мириться не мог. Начальник караула привык, чтобы его распоряжения выполнялись беспрекословно.

И перевел Иван Ильич свою Марию на положение рядовой от инфантерии.

— За водой шагом марш! Смирно! Равнение на умывальник!

А чуть что не так — по физиономии...

Идет Мария Ивановна с базара, навстречу ей сосед попадается. Раньше, бывало, остановится, о том о сем покаякает. А теперь проходит мимо.

— Здравствуйте, Марья Ивановна! Куда поспешаете? — заговаривает сосед.

— Во время несения службы разговаривать не велено, — коротко отвечает Мария Ивановна.

Соседки собрались в кино, приглашают с собой Марию Ивановну.

— За пререкания с начальством отбываю два наряда вне очереди, — сумрачно отвечает супруга Топчия.

Не так давно Иван Ильич явился домой, вынул из кармана листок бумаги и рявкнул:

— Становись, Марья, во фрунт! Будешь принимать присягу!

Какую такую присягу? — перепугалась Мария Ивановна.

— Такую, чтобы проворней была и соседям не плакалась. Бери ухват на плечо и повторяй за мной слово в слово.

И Мария Ивановна приняла присягу, текст которой мы приводим полностью, сохранив по возможности стиль и орфографию ее автора:

Семейная присяга

Топцию Ивану Ильичу от бывшей Кузьминковой Марии Ивановны в данное время Топчиевой.

Я, бывшая Кузьминкова Мария Ивановна, сейчас зарегистрированная в загсе с Топчием Иваном Ильичом, переступивши на постоянное местожительство до Топчия Ивана Ильича, принимаю семейную присягу и торжественно клянусь быть честной, храброй, дисциплинированной женой, строго хранить семейную тайну, беспрекословно выполнять все требования своего мужа Топчия Ивана Ильича. Любить, ценить, уважать,

почитать, дорожить за своим мужем Топчием Иваном Ильичом и до последней капли крови быть преданной своему мужу Топцию Ивану Ильичу.

Не вступать ни в какие пререкания, все требования выполнять с охотой и рывцом, бо это все для своего мужа Топчия Ивана И. Не навязывать посторонним мужчинам, не ставить с ними ни на минуту ни на какие разговоры, при встрече даже ранее знакомых не смотреть на них и не здороваться.

Я клянусь выполнять все выше указанные требования моего мужа Топчия Ивана Ильича и ни при какой обстановке не допущу нарушения моей кровной клятвы перед своим мужем Топчием Иваном Ильичом.

А если я нарушу цену торжественную кровную семейную присягу, то пусть меня смертельно покарает суровая смертельная кара моего мужа Топчия Ивана Ильича.

Вот с этого дня жизнь в доме начальника караула и протекает в строгом соответствии с уставом.

— Рядовая Марья! Смирно!

А. ГОЛУБ

ЗАМОК С ПРИВИДЕНИЯМИ

Посетитель строевым шагом приблизился к столу и, по-военному щелкнув каблучками, гаркнул:

— Григорий Виссарионович Чагелишвили. Прибыл для прохождения службы!

Кто такой Чагелишвили и откуда он прибыл, восседавший за столом председатель республиканского совета по туризму не знал. Однако встретил человека с солдатской выправкой благосклонно.

— Профессия?

— Бывший директор райбазы «Вторсырье»!

— Кем хотите работать?

— Директором турбазы!

— В туризме разбираетесь?

— «Туризм — лучший отдых!»

Общая эрудиция претендента на директорский портфель сомнений не оставляла. Прошлая руководящая деятельность тоже говорила в его пользу. Председатель радостно заерзал в кресле.

— Хорошо! Принимайте дела.

Из кабинета руководящего туриста бывший энтузиаст по сбору банок-склянок и прочего вторсырья выскочил счастливый и ошарашенный.

— Райбаза, турбаза, все равно база! — радостно бормотал он себе под нос. — Там — директор, здесь — директор, все равно директор!..

Однако непосредственное знакомство с вверенным хозяйством заметно разочаровало его.

— Послушай, это база, да? — морщась, обратился он к своему заместителю. — А где гвозди? Железо? Доски?.. Это база?!

— Турбаза! — растерянно уточнил заместитель. — Туризм. Лучший отдых.

— Это, да? — саркастически осведомился директор, указывая на парня с девушкой, которые шли, взявшись за руки. — Это отдых?!

Сам по себе безобидный эпизод мог и не послужить толчком для развития драматических событий. И, возможно, новоиспеченный директор навсегда покинул бы непрочное учреждение, где нет ни гвоздей, ни досок, не оказавшись поблизости еще туристки в шортах. Увидев особу женского пола, которая при помощи стройных обнаженных конечностей покушалась на целомудрие окружающих, специалист по вторичному сырью содрогнулся.

— Будем работать! — собрав подчиненных, мрачно объявил он. — Будем наводить порядок! Банки — сюда, склянки — туда!

— Какие банки? — не удержался заместитель. — Слушай, не придирайся к словам! — рассердился директор. — Бороться будем! Понятно?

Поход за нравственную чистоту был объявлен немедленно. Фривольные сарафаны, дамские брюки и вульгарные шорты были публично и торжественно преданы анафеме.

Дежурные по этажам в оба смотрели за порядком. Облаченный в парадный мундир милиционер бдительно нес вахту у дверей турбазы.

— Туристка Таня и турист Ваня, — доносили директору с первого этажа, — шушукуются в холле!

— Турист Коля и туристка Оля, — рапортовали со второго, — уединились на балконе!

Не дремал и страж общественного порядка. Завидев девушку в сопровождении местного жителя, страж бдительно напрягался:

— Ты кто?

— Туристка.

— А он кто?

— Гоги...

— Фамилию знаешь?

Контролировать туристов на самой базе было нетрудно. Сложнее обстояло дело, когда они уходили в город. Там туристки общались с аборигенами, а туристы — с аборигенками. Возможно, они даже влюблялись. Это была брешь в крепостной стене.

Блюстителю нравственности посоветовался с блюстителем порядка. К вечеру на турбазу прибыло два милицмейских мотоцикла с колясками

и с экипажем из трех человек в каждой. Водители развернули машины и, не глуша моторов, поставили мотоциклы носом к городу. Экипажи закрепили фуражки, натянув на подбородки лакированные ремешки, и стали бдительно смотреть вдаль.

— В чем дело? — всполошились туристы.

— Будем ловить джигита Гоги, который собирается похитить нашу туристку! — не моргнув глазом, объявил директор.

— Какую?

— Белокурую такую...

Белокурые туристки с визгом разбежались по

комнатам. У турбазы до поздней ночи трещали милицмейские мотоциклы. В комнатах всхлипывали робкие блондинки. По пустынному коридору, гулко отбивая шаг, бродил мрачный, как Мефистофель, директор. По обе стороны от него бесшумно, как призраки, двигались дежурные в белых халатах.

Полный эффект был достигнут. На следующий день туристы уже не пошли в город. Все смиренно сидели на турбазе. Каждый в своей комнате. Каждый на своем чемоданчике...

Республиканский совет по туризму профилактическую работу директора Тбилисской турбазы одобрил.

Совпроф Грузии, чтобы не плестись на поводу у подчиненных, задним числом поддержал ценную инициативу специальным решением.

В нем говорилось:

«Запретить туристам самостоятельно, без разрешения администрации турбазы отлучаться от своей группы в часы проводимых групповых мероприятий».

И дальше:

«Вменить в обязанность инструкторскому составу перед началом экскурсионной работы с туристами сдавать группы экскурсоводам и принимать их обратно... по спискам».

Видимо, вот так:

— Иванов!

— Я!

— Петрова!

— Я!..

На Тбилисской турбазе установился идеальный порядок. Все пошло по правилам. А правила железные: Не курить! Не сорить! «Да» и «нет» не говорить! Не смеяться! Не общаться! Не влюбляться! Не...

Но позвольте! Ведь туризм — лучший отдых!

Допустим, директор Тбилисской базы Г. В. Чагелишвили этого не понимает. Он человек, угодивший не на ту базу. У него свое особое представление о нравственности и порядке. Его мания штабеля мореного дуба, сосновые доски и железные гвозди. Родная стихия... Но ведь председатель Грузинского республиканского совета по туризму Иван Иосифович Гарибашвили знал об экспериментах морально-этического плана на Тбилисской турбазе? Знал.

И председатель Совпрофа Грузии Шота Андреевич Долидзе тоже знал? Знал.

Оба знали — и оба молчаливо одобряли действия директора. Да еще снабжали его руководяще-ободряющими документами.

...На живописной окраине Тбилиси высится красивый замок. Новый, светлый, нарядный.

Это Тбилисская турбаза.

Ежедневно сюда прибывают туристы. Они знакомятся с городом, отправляются в походы. Но туризм — это не только походы. Не только новые места, но и новые люди. Встречи, знакомства, впечатления. И дружба. И даже, может быть, любовь.

Турист из Казани вполне может познакомиться с туристкой из Рязани, а житель Тбилиси — с девушкой из Казахстана. И по этому поводу отнюдь не следует предпринимать устрашающие вылазки с милицией и мотоциклетной погоней за воображаемыми похитителями голубоглазых блондинок.

Что же касается правил внутреннего распорядка, то соблюдать их, безусловно, надо. Порядок должен быть. Вот только подменять наблюдение за порядком оскорбительной и мелкой подозрительностью никак не следует.

Пусть ведомственные призраки на твердой ставке не тревожат по ночам туристов.

Лучше пусть призраки спят.

Свят! Свят! Свят!..

Б. ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент Кронидила

г. Тбилиси.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Особняк из сыра

Котом усатым в сапогах
Ходил по ферме Суганак.
Он разбавлял водой надой
И увозил каймак домой.
Был пойман.
Каялся, лил слезы —
Разжаловали в водовозы.
Чесал затылок: «Что с воды?
Не ожидал такой беды...
Вода!
В ней жирность не ахти...
И с нею, как ты ни кряхти,
Напрасны все мои труды:
И ни сюды,
И ни туды!
Катись ты, бочка с черпаком!
Пойду я лучше
В Маслопром!..»
— ...А ты работал с молоком?
— Я и со сливками знаком...
— Нам нужен
Зав. на сепаратор.
Ну как: потянешь?
— Потяну!..
— А коль не справишься?
— Да ну!..
Ответил он, ухмылку спрятав.
И как же «тянет» Суганак?
А так, что возле сырзавода
Возвел из сыра за полгода
Великолепный особняк!

Перевел с казахского
Иван ЗАКОНОВ.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

НА РЫНОК

Жена с дочкой Иринкой, студенткой-первокурсницей, пошла в кино, а Сергей Петрович запрягнулся и категорически отказался их сопровождать. Нужно, дескать, кое-что проштудировать к завтрашнему совещанию, да и голова побаливает.

Голова у Сергея Петровича не болела, и штудировать было нечего. Просто захотелось побыть вечерком одному, посидеть перед телевизором, повалиться с книжкой в руках, а то вон та же Иринка совсем засрамила отца: «Ты, папочка, напрасно игнорируешь художественную литературу, это грозит тебе интеллектуальным и эмоциональным усыханием!..»

Повалиться с книжкой в руках Сергею Петровичу, однако, не удалось. Только он, сбросив шлепанцы и уютно накрывшись халатом, расположился на диване, только, раскрыв свежую книжку толстого журнала, приступил к спасательному обводнению пересыхающего интеллекта, как зазвонил телефон.

Чертыхнувшись, Сергей Петрович поднялся, подошел к письменному столу, снял трубку.

— Слушаю!

— Сергей Петрович?

— Да. Кто говорит?

— Говорит Буканов! — ответила трубка жирно рокочущим баском.

Сергей Петрович оторопел. Зачем Буканову — тому самому Буканову! — звонить ему, Сергею Петровичу?! Он, Сергей Петрович, правда, возвышается — и прочно возвышается — на довольно видной ступеньке иерархической лестницы в своем управлении. Но это именно только ступенька, а Буканов занимает, вернее, занимал самую высокую ее площадку, откуда не так давно и слетел. Вернее, спланировал. Под большим углом снижения. Куда его назначили-то? Кажется, в какой-то технический журнал.

— Сергей Петрович, куда вы пропали? — с легкой усмешкой сказала трубка тем же рокочущим баском, в котором Сергей Петрович вдруг уловил знакомые нотки. Ну, конечно, это Колька Солодов звонит, сослуживец, товарищ по институту. Его голос. До седых волос дожил, а не оставляет студенческие шуточки!

Леонид ЛЕНЧ

ГОВОРIT БУКАНОВ

— Бросай, Колька, свою художественную самостоятельность! — ворчливо сказал Сергей Петрович. — Я тебя узнал.

— Меня, правда, зовут Николай, но я скорее Николай Григорьевич, чем Колька! — ответила трубка с той же жирноватой усмешкой.

— Слушай, неужели тебе не надreло паясничать?!

— Сергей Петрович, — серьезно говорит Буканов.

— Шутить, весь век шутить, как вас на это хватит! Из Демьяна Бедного. Про таких, как ты!

— Точнее, из Грибоедова, — поправила Сергея Петровича трубка. — Про Чацкого, слова Софьи. Только там другой глагол стоит, Сергей Петрович. Не «хватит», а «станет». «Как вас на это станет!»

— Нет, именно хватит! — вскипел Сергей Петрович. — Хватит, кончай бо- дягу, Николай, надоело! Солидный мужик, отец семейства! Говори, что тебе нужно?

После секундной паузы, трубка, хотнув, сказала:

— А давай, Сережа, допустим, что тебе звонит действительно Буканов. Что бы ты ему сказал?

— Послал бы этого фанфарона по- дальше и повесил трубку.

— Разве Буканов такой уж фанфарон?

— Фанфарон! — убежденно отозвался Сергей Петрович. — И к тому же груб, как утюг. Ты ведь и на себе его грубость испытал. Забыл, как на парт- коме дело разбиралось?

— Не забыл! — серьезно сказала трубка. — Даже помню, что вы, Сергей Петрович, сидели и молчали тогда. Ни одного слова в осуждение Буканову вы лично не произнесли.

— Мы же с тобой, Коля, уже объяс- нялись по этому вопросу, — заторопился

РАССКАЗ

собственно говоря, не освоены, а он бухает во все торжественные колокола. Ты помнишь, какую он речугу закатил на активе?

— Помню! — мрачно сказала трубка. — Его тогда здорово раскритиковали. Буканова. Один только ты его поддер- жал. Остороженько, но все же под- держал. Ну, в общем, пока!..

Минуты две Сергей Петрович сидел неподвижный, как собственное извая- ние, держа телефонную трубку, изда- вавшую частые требовательно-визгливые гудки. Наконец очнулся, положил трубку на рычаг, сейчас же снова снял и быстро набрал номер домашнего теле- фона Солодова.

— Николай, ты?

— Здорово, отец Сергей! Что ска- жешь?

— Ты мне сейчас звонил? Только без фокусов: да или нет?

— Нет! А что такое?

— Понимаешь, позвонил кто-то, на- звался Букановым, плел всякую чепу- ху... Что за шутики дурацкие!

— Почему шутики?! Мне он тоже звонил, приглашал сотрудничать в его жур- нале. Собирает, как он сказал, «живые силы» — теоретиков и практиков! Та- кой, понимаешь, стал демократ, куда там! А может быть, критика на него подействовала? Бывает ведь и так!

...Когда жена и дочь вернулись из кино, они застали Сергея Петровича на диване в позе глубоко задумавшегося человека. Раскрытая книжка толстого журнала лежала у него на коленях.

Иринка — худенькая, черненькая, по- хожая на маленького бесенка — подо- шла к отцу, поцеловала его в щеку и сказала, смеясь:

— Вот видишь, папочка, как хорошо действует на тебя художественная лите- ратура!

— А что такое, Иринчик?

— Посмотри на себя в зеркало, у тебя лицо стало какое-то такое... про- светленное. Что ты читал, стихи или прозу? Наверное, стихи!

— Скорее... критику! — сказал Сер- гей Петрович. И, чтобы перевести раз- говор на другую тему, с большей, чем обычно, обстоятельностью стал расспра- шивать жену и дочь, понравилась ли им картина.

Сергей Петрович. — И я свою ошибку тут же признал. Смелодушничал! Да, да, смелодушничал. Зачем ворошить ста- рое?!

— Я хочу только сказать, что твою малодушие и Буканову не пошло тогда на пользу, — сказала трубка.

А все-таки странный разговор! Куда гнет Колька Солодов? Непонятно!..

— Знаешь, Коля, если серьезно го- ворить, — начал Сергей Петрович из- далека, — то у Буканова были и свои положительные качества.

— Почему же тогда его сняли?

— Сверху виднее, почему!

— Снизу тоже было видно! — сказа- ла трубка.

— Ты имеешь в виду всю эту глупую шумиху с Громыхинским комбинатом? — спросил Сергей Петрович.

— Хотя бы.

— Да, тут дело пахло форменным очковитрательством. Мощности еще,

В. КОМОВ

ВСЕ ТАК И БЫЛО...

Директор школы Кузин впервые видел заместителя председателя райисполкома Поздняева таким разгневанным.

— Ты был вчера на совещании?
— Был, — чуть покраснев, ответил Кузин.

— Почему же я тебя не видел?
— Не знаю, Виктор Харитонович.
— А вот сейчас проверю... Кто первым выступил в прениях?

— Директор райпромкомбината.
— А вторым?

— Председатель райплана.
— За ним кто?

— Заврайкомхозом. После него получил слово руководитель маслозавода.

Поздняев закурил и задумался: «Может, и впрямь не заметил я его на совещании... А в газете не мог он прочесть — отчет еще не напечатали...»

— А проект резолюции кто читал?
— Тишкин, заврайфо...

— Да... — раздумчиво произнес заместитель председателя. — Видно, зря я тебя заподозрил — зрение стало подводить...

— Нет, Виктор Харитонович, вы не ошиблись. — Тут директор школы опу-

стил повинную голову. — Не был я на совещании... Просто знаю уж обычный распорядок... А не пришел потому, что на пришкольном участке с ребятами работал... Первый раз за месяц выбрался: что ни говорите, две дюжины совещаний и заседаний за четыре недели...

Кристиан ГЕЙНРИХ

МЕСТЬ

Марго мне изменила. Она покинула меня как раз в тот момент, когда мы договорились заключить союз навеки.

Я знаю, что сейчас, когда я тоскую в одиночестве, она гуляет по парку со студентом Удо, у которого смешная яйцеобразная голова. Они гуляют, несмотря на гнусную погоду, так они любят друг друга!

Во мне нарастает священный гнев. У меня начинают дрожать колени. Мне ясно, что сегодня же ночью я перейду к действиям. Мной движет не только отчаяние, но и чувство мести. Я открываю средний ящик письменного стола и вынимаю нож. И проверяю на ощупь остроту лезвия.

Затем я выхожу из дому. Шагаю нетвердой походкой лунатика, крепко сжимая нож.

Наконец я в городском парке. Ветви деревьев и кустов бьют меня по лицу. Мне хорошо знакомы дорожки, по которым любит ходить Марго, и я знаю уединенную скамейку, на которой она разрешает нашептывать ей слова любви.

За прудом с золотыми рыбками бесшумно сворачиваю налево. Нако-

нец я у цели. Теперь или никогда! Четыре, пять, шесть раз я взмахиваю ножом, и стальной клинок делает свое дело. Все кончено! Яркий свет карманного фонарика позволяет мне убедиться: я уничтожил их, буквы М + К, вырезанные мною некогда на стволе дерева.

Перевела с немецкого Н. ФЕДОСЮК

Вита ЖИЛИНСКАЯ

Я ОПАЗДЫВАЮ....

Как мне ни стыдно, я вынуждена признаться, что очень часто опаздываю на работу. Утром выскакиваю из дому со скоростью, близкой к космической. На ходу натягиваю перчатки разных цветов, дожевываю завтрак и мчусь к остановке. Хорошо, если отдышусь в троллейбусе...

Вот и сегодня, устроившись у окна, я медленно прихожу в себя и люблюсь ярким майским пейзажем.

Передо мной встает во весь свой огромный рост проблема № 1: как объяснить начальнику очередное опоздание? Причина должна быть убедительной, ситуация — оригинальной и вместе с тем простой.

Может быть, ребенок вывалился из окна? Нет. Этот вариант уже использовался. И вообще лучше оставить малыша в покое.

Лучше скажу вот что: троллейбус налетел на грузовик с мебелью. Кресла полетели в одну сторону, кушетки — в другую. Водитель троллейбуса — женщина. Ей дурно. А между

тем выйти из троллейбуса нельзя: дверь закрыта. Пока привели водителя в чувство, пока открыли дверь, смотрю — уже половина десятого...

Нет, не то! Аварии теперь вышли из моды. Да и этот самый вариант я тоже использовала. Только тогда вместо грузовика был «Москвич».

Может быть, пожар? В соседней квартире. Неразумный дошкольник играл со спичками, поджег на кухне веник, а сам отправился на балкон рассматривать книжку с картинками. Я, разумеется, вызвала пожарных. Пока они приехали, пока взломали дверь, погасили огонь и составили протокол, смотрю — уже половина десятого...

Нет, этот вариант тоже не пройдет! Ведь в соседней квартире живет маникюрша, и к ней каждую неделю ходит жена нашего начальника.

Жаль... Однако что же придумать? А может быть, просто, без выкрутасов: упал кусок метеорита. Бум! Троллейбус остановился...

Последняя идея осенила меня уже на работе, за письменным столом.

...В половине одиннадцатого появился мой начальник.

— Ну и дела! — воскликнул он с наигранной веселостью. — На целый час опоздал! И, думаете, из-за чего? Совершенно невероятная история. Иду я на работу, и вдруг навстречу министр здравоохранения. Останавливает меня, начинает расспрашивать о здоровье, советует пить коктейль из сырых яиц, черной смородины и алоэ. Пока я записывал, благодарил, смотрю — уже половина десятого... Я торжествующе улыбнулась.

Перевела с литовского Ел. КАНТОР

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

НЕПОСЕДА

Бывало, он срывался с места, в портфель закидывал проект и со словами

«На объект!»
надолго исчезал из треста.
На этот счет сам шеф шутил:
— Наш Тюлькин

с производством дружен.
Блажен, кто запаху чернил
предпочитает запах стружек!
А непоседливый герой
меж тем

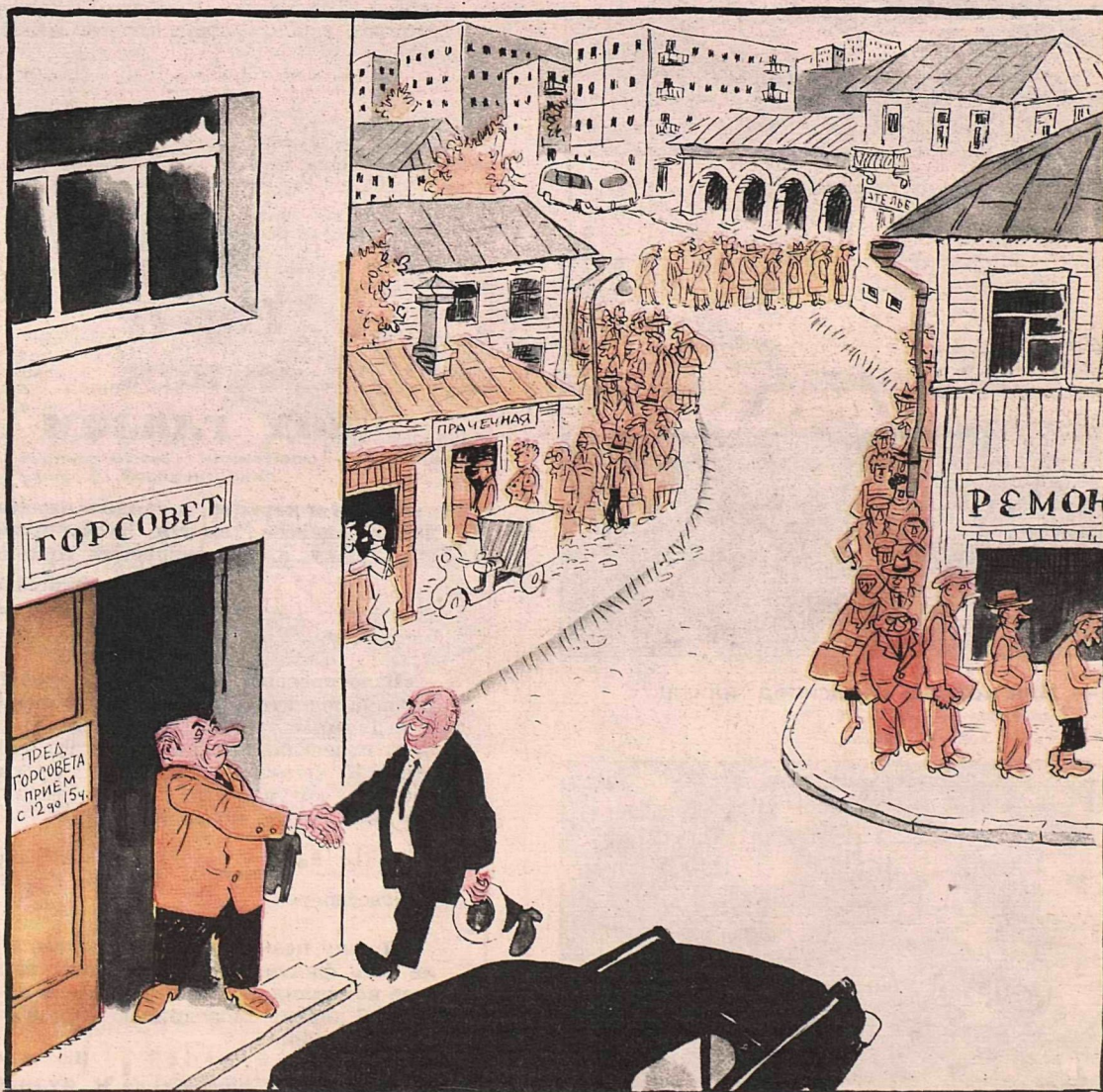
спешил не на участок:
вкруг пальца обведя начальство,
рысцой бежал к себе домой.
Там, облачась в пижаму, Тюлькин
располагался у стола,
разыгрывал с друзьями пульку,
предав забвению дела.
Потом часок-другой храпел.
Потом звонил с объекта бойко.
А иногда опять «со стройки»
заглядывал к себе

в отдел...
Был метод тонко разработан.
Но как-то раз пришла беда:
он в трест явился, как всегда,
«с объекта»,

в хлопотах измотан...
— Фу, черт! Управился едва...
Дела идут из рук вон плохо,
тьма неувязок...

Дружный хохот
вдруг заглушил его слова.
Сквозь этот смех,

как бы сквозь строй,
прошел злосчастный мастер блефа...
Он снял пальто.
И перед шефом
предстал в пижаме наш герой.

— Ну, как дела?
— Все идет своим чередом...

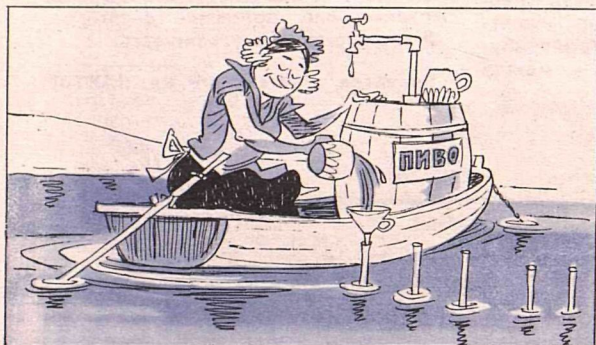
Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

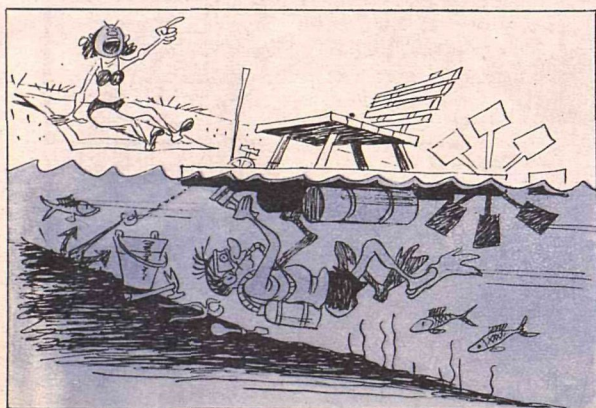
Рисунки И. СЫЧЕВА

Регулировщики в недалеком будущем.

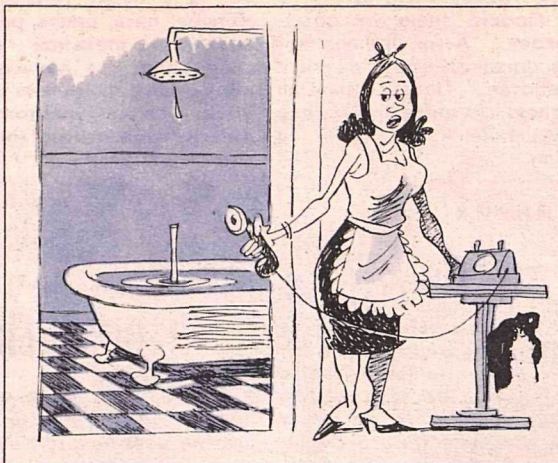
Подводное обслуживание.

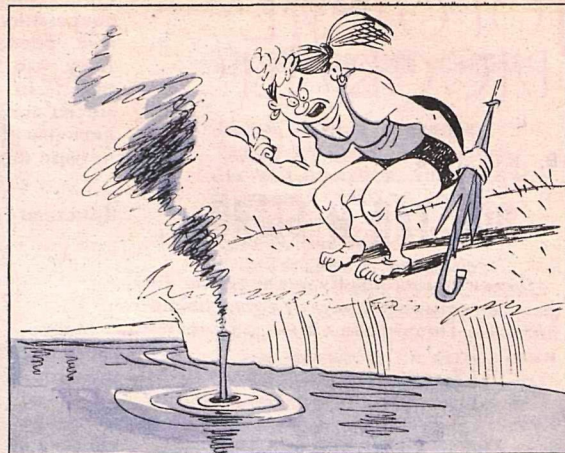
— Или водный велосипед или я!

Охотники на привале.

— Это тебя! Из секции подводного спорта!

— Опять курить? Ну, погоди!

Листая газетные страницы

СЕЛЬСКИЕ НОВОСТИ

«Радуют показатели труда и птицеводов. Если в прошлом году в отделении от каждой коровы было получено за квартал по тринадцать штук яиц, то нынче — по пятьдесят одному яйцу».

«Вперед»

г. Красноуфимск.

«Сейчас здесь улучшили уход и содержание свиней... Оборудован кормоцех, свиней кормят в столовой».

«Советская Татария»

«В совхозах «Ревдинский», «Манчжский», «Кленовской» исключительно велика яловость коров. От каждой ста животных

здесь ежедневно недополучают 22—23 теленка. Вопиющее безобразие».

«Уральский рабочий»

«В 1964 году здесь от каждой свиноматки получили в среднем всего по 0,4 ягненка и 570 граммов шерсти».

«Северная правда»

г. Кострома.

«В июле, августе, сентябре и октябре среднесуточный привес в целом по стаду индеек достигал одного килограмма на голову при плане 22 грамма».

«Грозненский рабочий»

Горит синяк под глазом

«Войдя в коридор, я увидел, что Николай и Алексей дерутся. Чтобы прекратить драку, я стал разрывать Николая».

(Из объяснительной)

Прислал Ф. ЛАРИН.

г. Воркута.

«В воскресенье я упросил разрешения у врача выпить немного. Она разрешила. Я с двумя сотрудниками больницы выпил, повеселились, не допуская грубостей. Я немного погрубил с дежурной сестрой, которая совершенно не знала, что я действую по разрешению».

(Из жалобы)

Прислал Г. ГУРИН.

г. Новосибирск.

«Прошу познакомиться с делом. В деле есть фиктивные документы, выданные поликлиникой. А фактически он бил меня 2 апреля за подписью хирурга гор. поликлиники».

(Из жалобы)

Копию снял Н. КУЗНЕЦОВ. Николаевская область.

«Я просил его уйти. Оскорбив меня, он отказался уйти, и только после небольшого разговора и попытки придушить меня он ушел».

(Из объяснения)

Выписал О. МЕЛЬНИЧЕНКО.

г. Москва.

«Травма, полученная подручным кузнеца Козловым А. Г., произошла при следующих обстоятельствах: будучи в нетрезвом состоянии, Козлов решил покатайся верхом на свинье, за что получил удар коленом по спине от жены».

(Из служебного письма)

Прислал А. ПРОКОФЬЕВ.

Брянская область.

«Я хочу добавить, что первый раз Герасимов пришел на работу с большим синяком в области правого глаза и объяснил, что это случилось в результате разделки дров, что доказывает его стремление к сохранению семейного очага».

(Из показания)

Прислал В. ТАТАРКИН.

Краснодарский край.

«Гражданин Пискун И. В. в пьяном виде буянил дома, перепугал соседей. После вызова дружинников обмяк. С нарушителем сделана прогулка, во время которой он признал себя виновным и целовал дружинников».

(Запись в журнале народной дружины)

Выписал П. ПЛУЖНИКОВ.

г. Запорожье.

«СЫНОК ИЗ ДИНАСТИИ»

А династии-то, оказывается, никакой и нет. Есть папа, главный инженер Оренбургского паровозоремонтного завода А. П. Будаговский, и его подчиненный — сынок А. А. Будаговский, начальник тендерного цеха, которому папа покровительствовал, глядя свыз пальцы на то, что сын груб с подчиненными, малоавторитетен, использует служебное положение. Именно об этом и говорилось в фельетоне «Сынок из династии», опубликованном в «Крокодиле» № 7.

По сообщению секретаря Оренбургского горкома КПСС В. Семенихина, главному инженеру А. П. Будаговскому указано на его пристрастное отношение к сыну. Его сын — А. А. Будаговский — от должности начальника тендерного цеха освобожден.

ВСЕ ЯСНО...

Житель города Темиртау Э. Лемкуль не смог получить в Московском совете по туризму исчерпывающих разъяснений о наличии туристских путевок: в письме, которое он получил из Московского совета, не только не были указаны сроки путевок, но не было даже подписи председателя. Об этом факте говорилось в заметке «Из области гололомоки», помещенной в журнале № 14.

Как сообщил редакции председатель Московского совета по туризму С. Воробьев, за бесконтрольность при отправке корреспонденции управления М. Штейнберг объявлен выговор, инструктору Бюро путешествий и экскурсий Л. Коноваловой указано на халатное отношение к служебным обязанностям.

ПОДСЧИТАТЬ НЕВОЗМОЖНО...

Директор Алданского лесхоза тов. Чудиновский прислал в Учурское лесничество строгий приказ: немедленно пересчитать и взять на учет всех имеющихся в окрестных лесах волков, медведей, лосей, диких оленей и даже уток. И все это на площади шесть с половиной тысяч гектаров. Этому факту была посвящена заметка «По порядку номеров — рассчитайся!» («Крокодил» № 29, 1964 г.).

Якутский обком КПСС отвечает нам, что работники лесхозов действительно не могли осуществить это нелепое распоряжение, так как указанные в письме формы учета практически невыполнимы. Директору Алданского лесхоза тов. Чудиновскому объявлено партийное взыскание.

Говорящая собака: — А может, лучше споем?

Рисунок М. УШАЦА

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

Что нового в сатирическом цехе

МОСКВА. Очередные новинки Библиотеки Крокодила — рассказы и фельетоны В. Аленина «Был такой случай...», А. Вихрева «В тараканьем мире», В. Санина «Наким должен быть папа», стихи А. Карасева и С. Ревзина «Пожалуйста, попробуйте...».

«Советский художник» издал монографию И. Свиридовой «Константин Павлович Ротсв».

Театр-студия «Современник» показал сатирическую фантазию В. Аксенова «Всегда в продаже». Музыка к спектаклю написал А. Волконский, текст песен Е. Евтушенко, оформление А. Елисеева, П. Кириллова и М. Скобелева.

Мосфильм выпускает на экраны новую кинокомедию «Зеленый огонек» в постановке режиссера В. Азарова — о первом рабочем дне молодого водителя такси.

В издательстве «Искусство» вышел сборник фельетонов А. Лациса «Семь спящих дев». Его основные разделы — «На старом спектакле», «То, чего не видно на экране» и «Следует отметить также...».

Тем же издательством выпущен эстрадный сборник «На веселой волне».

Антирелигиозные юморески Е. Кравченко составили выпущенный Политиздатом сборник «Духовный оркестр».

ЛЕНИНГРАД. Библиотека «Боевого карандаша» пополнилась сборником стихов геофизика и поэта-сатирика С. Смирновского «Санитарный день». Книга иллюстрирована художником Ю. Труновым.

КИЕВ. В Библиотеке «Перца» появились «Сатирические миниатюры» украинского поэта С. Воскресенко.

Институт искусствознания, фольклора и этнографии имени М. Рыльского обнародовал совместно с издательством «Наукова думка» работу Ф. Лаврова «Украинская народная антирелигиозная сатира».

ЛВОВ. «Каменяр» издал в серии «На добрый вечер» сборник юмористических рассказов А. Ковиньки «Директивы и коррективы».

ЕРЕВАН. Юмористические рассказы и фельетоны А. Калантаряна «Ночное появление совести» выпущены издательством «Айастан».

РИГА. В Русском театре драмы состоялась премьера комедии эстонского драматурга А. Лийвеса «Венская почтовая марка».

ТАЛЛИН. Побывавший на гастролях в столице советской Эстонии Народный рабочий театр города Хельсинки показал комедию финского драматурга М. Иотуни «Адамово ребро».

МИМОХОДОМ

Весь мир рассматривал под углом 40 градусов.
Ц. МЕЛАМЕД

Режиссер решил подогреть интерес к спектаклю сценой натурального пожара.
В. ЛОМАНЫИ

Приобретя высокое положение, он уже не входил в положение других.
В. ХОЧИНСКИЙ

Чувство локтя он проявлял только в троллейбусе.
Гр. КРЕМЕР

С охоты он всегда возвращался ни с чем, а в остальном он был парень не промах.
О. ТИХОМИРОВ

Хотя у фенолога не попадал зуб на зуб, он поэтично писал о весеннем потеплении.
Л. МИТНИЦКИЙ

Свое принципиальное мнение выражал во внутренних монологах.
Ю. НИКОЛЬСКИЙ

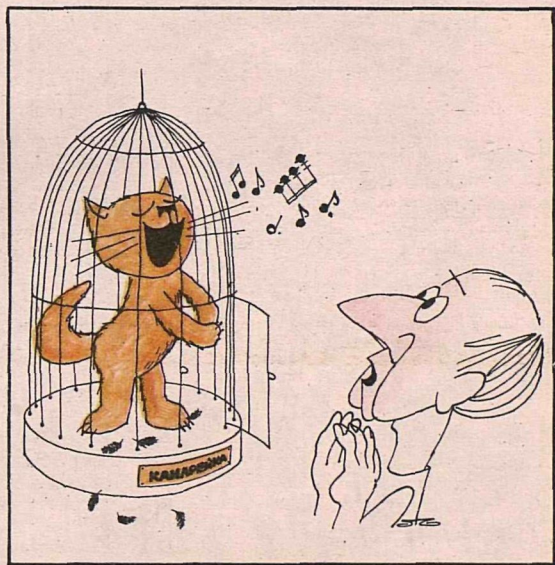

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Г. ЖАМИДИН

Щедрый поэт

Большую дату празднует поэт.
Мы славим юбиляра без стеснения.
Роскошный стол — чего тут только нет!
И водка, и вино, и угощенье...

Здесь плов с хурмой и мясо горных коз,
Здесь виноград во рту росинкой тает
И пряности приятные до слез...
Скажи, мой друг, чего тут не хватает?

Здесь виден вкус, большой хозяйский труд.
Видны плоды и осени и лета...
Скажи, мой друг, чего не видно тут?
Не видно настоящего поэта!

Перевод с лезгинского
А. ВНУКОВА.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ [ответственный секретарь], Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 0-10-86.

Издательство «Правда».

А 02341.

Изд. № 976. Подписано к печати 29/VI 1965 г.

Формат бум. 70×108½. Тираж 2 900 000 экз.

1 бум. л. — 2,74 печ. л. Заказ 1721.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

10 ИЮН 1965

27577 ж

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.

345

РОССИЙСКАЯ
ЮНИОНАТ ПАЛАТА
КОНТРОЛЯ И РЕГЛАМЕНТА
1965 г.

АМЕРИКАНСКАЯ ПРУЖИНА САЙГОНСКОГО ТРАМПЛИНА

Рисунок КУКРЫНИКСЫ